

★ ВЕЛИЧИЕ РОДИНЫ – В ВАШИХ СЛАВНЫХ ДЕЛАХ ★

СПЕЦНАЗ

Сергей САМАРОВ

КРОМЕ НАС —
НИКТО

Спецназ ГРУ

Сергей Самаров

Кроме нас – никто

«Автор»

2006

Самаров С. В.

Кроме нас – никто / С. В. Самаров — «Автор», 2006 — (Спецназ ГРУ)

Когда пушки бессильны, работает спецназ. Не удалось в бою уничтожить имама Мураки, который вдохновлял афганских моджахедов на борьбу с «агрессором». Теперь дело за спецназом ГРУ. Группе майора Солоухина предстоит отыскать имама, скрывающегося в горах Афганистана, и захватить его живьем. Ведь западные спецслужбы решили использовать его в своих интересах. Они хотят убедить афганцев, что имам святой, он «воскрес» после своей гибели и снова призывает их к борьбе против северного соседа. Так что спецслужбы стерегут имама на хорошо охраняемой военной базе пуще глаза. Вытащить его оттуда не так-то просто. Но можно...

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	12
3	18
4	23
5	31
6	39
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Сергей Самаров

Кроме нас – никто

Моим добрым друзьям

Александру Вячеславовичу Румянцеву

И Андрею Николаевичу Ратникову.

Автор

Часть первая

ПРИЗРАК СВЯТОГО

1

– Отставить курение... – прозвучало из темноты спокойным, но твердым шепотом, без естественного бы в данный момент раздражения. Не внезапно прозвучало, потому что шаги были слышны и силуэт пару раз высвечивался. Но с этой стороны идти могли только свои, поэтому тишину громким уставным вопросом никто не нарушил.

– Я ж с головой под камень забрался, товарищ майор... – узнав голос Солоухина, сказал старший лейтенант Семарглов, наполовину шутливым и даже слегка просящим тоном. Характер у него легкий и позволяет так разговаривать со старшими по званию. Обычно это оппонента обезоруживает и переводит разговор с приказного на почти бытовой уровень. – Меня ж, как крота, не видно ни сверху, ни снизу, ни со стороны, ни изнутри...

– И я не видел... Видеть вовсе не обязательно... И никогда из тебя с такими разговорами настоящего спецназовца не получится... – оказавшись рядом, в большой яме под резко скошенной каменной скалой, майор заговорил уже спокойнее, но с некоторой обреченностью. – Отставить, я сказал...

Старший лейтенант вздохнул и послушно затушил сигарету о камень, ухмыляясь тому, как сидящий рядом с ним младший сержант Симаков жадно втягивал ноздрями остатки сигаретного дыма. Старший лейтенант обещал дать младшему сержанту пару раз затянуться, но не успел.

Майор Солоухин шмыганье чуткого и объемного сержантского носа тоже уловил.

– Видишь, Василий Иванович, даже Симаков носом шевелит... Он курящий, а чувствует... А кто не курит, за пару километров запах поймает... Учти на будущее – на время операции курить бросаешь! Последний раз говорю...

Теперь, несмотря на спокойный и даже уравновешенный тон, старший лейтенант понял серьезность предупреждения и не решился перевести разговор в шутку.

– Так точно, товарищ майор, понял...

– И хорошо. Что тут у вас?

– Со стороны основного направления никакого движения. И ни звука. С противоположной стороны, от кишлака, практически тоже ничего. Только один раз кто-то из-за поворота ущелья выходил. С фонарем. Себе под ноги светил. Что-то искал как будто...

– Может, сигнал подавал? – переспросил майор.

– Мне тоже так, товарищ майор, показалось, – сказал младший сержант сиплым от легкой простуды голосом. Ночь среди камней в горах не равнозначна долгому дню на солнечном пляже! Это уже давно известно, и на севшие голоса участников ночных операций никто внимания не обращает. – Там, похоже, какая-то периодичность была.

– Сигнал обычно поверху подают, – не согласился старший лейтенант Семарглов. – Иначе его только в узком секторе видно. И если сигнал, то чаще просто мигают... Включают и выключают...

– Необязательно, – теперь уже младший сержант не согласился. – Можно просто фонарем покачивать. Кто знает, тот поймет.

– Периодичность, говоришь...

– Как будто под какую-то мелодию... Медленную, протяжную... Как муэдзин поет...

– Мне показалось, это просто в такт шагам, – высказал свою версию старший лейтенант. – По камням человек шел, спотыкался, под ноги светил. Оттого и такт неровный...

– Молитва... – задумался майор. – Что-то я слышал про такие сигналы... Где-то это уже было... Ладно, посмотрим...

Майор к доводам младшего сержанта прислушивался больше, чем к размышлениям старшего лейтенанта, и странности в таком своем отношении не видел. Младший сержант уже год в спецназе воюет, а старший лейтенант месяц как был прикомандирован из десантуры и после короткой подготовки отправлен сюда. Глупость, конечно, несусветная – просто так вот взять и создать два батальона спецназа, чуть-чуть поднатаскать их и загнать сразу в Афган. Раньше здесь всего одна отдельная рота спецназа ГРУ воевала. Подготовленная без спешки и с толком. Еще в Союзе каждый солдат, не говоря об офицерах, ползком десятки километров одолел, а бегом сотни... Здесь это очень сгодилося. Рота в самом Кабуле квартировала и по всему Афгану моталась из боя в бой. Отсыпались, сидя в вертолетах. Но так эта рота воевала, что за три года беспрестанных боев потеряли только одного человека убитым и одного раненым. Вот командование и решило усилить спецназ численно. Солдат-то нашли и даже подготовить сумели. А где офицеров взять? Офицер спецназа должен десятикратно превосходить по подготовке солдата, а кто отпустил на это время?.. Собирали с миру по нитке, формировали батальоны и из танкистов, и из артиллеристов, и из десантуры, и из мотопехоты, учитывая индивидуальную физическую подготовку и не учитывая при этом мнения опытных спецназовцев – брать следует не тех, кто умеет драться, не единоборцев, а тех, кто умеет терпеть, кто особенно вынослив, – бегунов-стайеров, лыжников, биатлонистов. Однако командованию всегда виднее. Пусть и из лучших набирали, но и этого было мало. И мало кого беспокоила мысль о том, что подготовка офицеров спецназа ГРУ – дело многолетнее и специфическое.

Плоды сказались сразу – большие потери. Такие потери, которых не знали в роте, подготовленной без спешки и именно по полной программе спецназа ГРУ... Но одновременно с этими потерями и учились. На собственной крови...

– На вчерашние сигналы не похоже? – спросил майор, глядя на рядового, третьего члена маленького временного поста.

– Совсем другие, – категорично ответил тот. – Вчера поверху фонарем махали. Будто склон осматривали...

– Ладно. Продолжайте наблюдение, обе стороны контролируйте... – сказал майор, одним рывком выпрыгнул из ямы и шагнул на тропу, полого поднимающуюся по склону горного хребта. Следовало и другие посты опросить.

Мягкие стоптанные кроссовки ступали по каменистой почве почти бесшумно. Спецназовцы сами покупали себе на базаре кроссовки. В стандартной армейской обуви по горам бегать – врагу не пожелаешь. А они себе не враги.

* * *

Спать особенно хочется ближе к утру. Невыносимо хочется. Глаза сами собой закрываются. И бороться с этим практически невозможно. Так глаз человеческий устроен, что время от времени ему необходимо мигнуть. Думаешь, что просто мигаешь. И только потом понима-

ешь, что глаза сами собой закрылись и ты, против воли своей, от себя такого не ожидая, упал в сон. Всего-то на несколько секунд. Может быть, на минуту. И просыпаешься в испуге. Спать на посту – преступление. И пусть не один ты на посту, пусть еще две пары глаз утомляются, всматриваясь в темноту... Где гарантия, что они не закрываются точно так же, как твои глаза. А наблюдение необходимо обеспечить непрерывное...

Старший лейтенант Василий Иванович Семарглов всегда считал себя человеком бессонным, то есть способным переносить отсутствие сна спокойно, как и положено офицеру. А сейчас чувствовал себя так, словно никогда раньше и на посту-то не бывал. Правда, на таком посту он никогда не был. Любой пост там, по другую сторону границы, в Советском Союзе, никак нельзя сравнить с постом в Афгане. Здесь и ответственность несравнима. И, казалось бы, ответственность должна мобилизовать организм. А она, наоборот, искушает...

Первая операция всегда – испытание. Но Василий Иванович, бывший старший лейтенант десантных войск, ныне старший лейтенант спецназа ГРУ, всегда считал себя хорошо подготовленным и физически, и психически для того, чтобы стать хорошим воином. И сейчас недоумевал, отчего так слипаются глаза...

Отправляясь в Афган, старший лейтенант Семарглов думал, что там ему будут сниться сны о доме. А оказалось, что ему здесь вообще ничего не снится. Даже когда засыпаешь по-настоящему, впечатление складывается такое, что на мгновение проваливаешься в тьму, и тут же глаза открываешь. Оказывается – несколько положенных часов спал. Точно так же, как на посту, когда только на миг глаза смыкаешь. И вообще непонятно, спишь ты или нет...

– А мне даже раз курнуть не удалось... – вздохнул младший сержант Симаков. Так тяжело вздохнул, словно ему показали и не дали единственный за целую неделю кусок хлеба.

– Будем привыкать... – скорее сам себя успокаивая, чем младшего сержанта, сказал старший лейтенант Семарглов. – Некурящие в самом деле запах издалика чувствуют... Беда с этими некурящими...

* * *

Возвращался майор тем же путем через час с небольшим, когда рассвет не пришел, а свалился на ущелье. Сначала небо слегка посветлело, а потом солнце резко, рывком, словно совершая побег из плена, вырвалось из-за хребта, покрытого вцепившимися в камни облаками. Но ночную прохладу оно сразу прогнать не смогло. Жара наступает обычно часа через три-четыре, наваливается мутной липкой субстанцией, которая даже думать мешает, а уж шевелиться в эту жару совсем желания не появляется. Тогда уже солнце радости доставлять не будет никому – это знали все, и спецназовцы, и моджахеды, и просто мирные жители окрестных кишлаков, если здесь есть все же мирные жители, как в этом кто-то пытается спецназовцев уверить. Сами они, и не без оснований, в этом сильно сомневаются.

– Все спокойно? – спросил майор старшего лейтенанта Семарглова, который на этот раз не курил, и даже запаха сигаретного дыма в окопе не чувствовалось – внял, кажется, уговорам.

– Опять не пришли... – посетовал старший лейтенант.

– Продолжать наблюдение. Появятся... Обязательно появятся... – Майор собрался покинуть окоп и шагнуть на тропу, но, ухватившись рукой за каменный бруствер, остановился и обернулся. – Курить хочется... – скорее утвердительно, чем вопросительно, сказал старшему лейтенанту.

– Хочется, – обреченно сознался тот. – Аж в горле, товарищ майор, все дерет, до кашля...

– Бросай...

– Много раз пробовал. Не получается... Говорят, бросить курить в десять раз труднее, чем бросить пить...

Майор положил руку старшему лейтенанту на плечо. Прямо и жестко в глаза посмотрел:

– Ты бросил курить. Это я тебе обещаю. Больше, Василий Иванович, никогда не захочешь... Запомни...

– Я запомню, товарищ майор...

Солоухин опять собрался уходить, но снова остановился.

– Скажи-ка, старлей, а тебя давно по имени-отчеству начали звать?

– Со школы... Тогда анекдоты про Василия Ивановича в моде были. Я сначала даже обижался, потом привык...

– Я так и думал, что с детства...

Майор просто развернулся, выпрыгнул из укрытия и пошел. И опять его мягкой поступи было совсем не слышно...

* * *

Три дня назад майора Солоухина вызвали в штаб. Обычный вызов, какой всякий раз бывает перед новым заданием, и даже торопливость косолапящего вестового ничего экстраординарного не предвещала. Майор пошел. В штабе как раз не оказалось электричества, где-то то ли оборвали провода, то ли взорвали опору на линии электропередачи – привычное дело, и потому весь свет в большой комнате оперативного отдела шел только от слабой лампочки, питаемой дизелем, установленным в кузове грузовика, поставленного под окнами. Лампочку повесили над широким и длинным специальным столом с оперативными картами. Освещение такое, что стен не видно, зато с картой, если зрение напрячь, вполне можно пообщаться...

– Вот и наш майор пожаловал... Подходи ближе. – Едва майор открыл дверь, бритоголовый полковник Раух, начальник оперативного отдела, позвал Солоухина ближе и ткнул пальцем в карту. При этом сам наклонился, и голова его заблестела даже при слабом свете лампочки. С такой аккуратной лысиной самому можно вместо лампочки помещение освещать. Полковник до этого не додумался...

Полумрак не помешал майору разобраться, куда указывает полковник; узнав точку на карте, недобро усмехнулся. Воспоминания добротой совсем не пахли...

– Ага... Знакомое место. Мы там в прошлом месяце, помнится, были... Тропы перекрыли и наводку «шмелям» дали... Склад оружия разбомбили и двадцать шесть «духов» положили, когда они мимо нас в откат пошли... А потом к ним неожиданно подмога подошла, мы еле-еле бегом оторвались, чтоб «хвост» на вертолетную площадку не притащить... Под огнем взлетали...

– Я тоже помню, – кивнул Раух. – Потому тебя и выбрали, что хорошо место знаешь. Сейчас задача проще, но – учти! – ответственнее... Вот, наш афганский коллега подскажет... Капитан Латиф... Ты где?

Из темноты от стены выступил высокий стройный афганец в простеганном ватном халате, наброшенном по прохладному вечернему времени прямо на темно-зеленую армейскую форму. Лицо показалось знакомым, но здесь побывало столько офицеров афганской армии, что все они теперь кажутся знакомыми, даже те, с кем в первый раз встречаешься. По-русски начал говорить чисто, почти без акцента, но тихо, как обычно говорят люди, долго жившие или учившиеся в Советском Союзе, говорить научившиеся, но все равно не уверенные в правильности своей речи:

– Уничтоженный склад оружия – это очень хорошо, и мне рассказывали, как вы с делом справились. Сейчас задача – уничтожить только одного человека, которого везут в этот кишлак... – голос, это произносящий, слегка подрагивал то ли от простуды, то ли еще от чего. – Уничтожить, в кишлак не допустив, чтобы он не получил поддержки...

Майор на подрагивание голоса внимание обратил сразу и посмотрел на афганского капитана внимательнее.

– Новый полевой командир?

– Нет... Просто имам... Священнослужитель...

– Захватить или уничтожить? – сразу пожелал уточнить Солоухин, мрачным голосом и сведенными на переносице бровями показывая, что видит разницу между двумя вариантами выполнения задания и один из вариантов ему откровенно не по нраву. Не по нраву своей жестокой конкретностью, хотя, казалось бы, именно конкретность должна быть больше по душе всякому армейскому офицеру.

– Только уничтожить... – капитан Латиф постарался быть предельно конкретным, пытаясь совладать со своим неуверенным голосом, но это у него получалось плохо. – Только... Захват этого человека в плен может иметь непредсказуемые последствия в любом населенном пункте страны, вплоть до столицы. Вам, русским, этого не понять...

– Товарищ полковник, – Солоухин сдержанно кивнул на полковника Рауха, – по национальности немец. Может, он поймет. Немцы понятливые...

Капитан не понял по интонации, что над ним горько насмеются.

– Нет... И немцу тоже этого не понять... Ни европейцу, ни американцу... Это может понять только восточный человек...

– Что вам или нам сделал этот имам? – со своим командованием Солоухин, естественно, не посмел бы так разговаривать. Он всегда был хорошим служакой и дисциплинированным офицером и прекрасно сознавал, что такое приказ. И потому, получив приказ, вопросов не задавал. Когда же установку на операцию давал афганец, к тому же званием ниже его, майор мог себе это позволить и мог даже неодобрение показать.

– Он делает очень много и вам, и нам. Он благословляет душманов на продолжение войны. И его благословения значат больше, чем длительная агитационная кампания правительства... Голос слишком авторитетный, чтобы с ним не считаться...

– Ну и что? Мало ли на свете имамов, которые благословляют эту войну. С той и с другой стороны...

– Дело в том, что он, – Латиф на несколько секунд задумался, прежде чем продолжить, и продолжил с натугой, словно пересиливая себя, – считается у нас живым святым...

– Еще не легче! А из нас пытаются сделать «понтиев пилатов»...

Латиф не понял фразу и продолжил объяснять:

– Слова имама Мураки слушаются все полевые командиры. Если он скажет, что какой-то командир действует не по воле Аллаха, этого командира застрелят его же охранники. Сразу и без раздумий... ХАД¹ очень долго искал следы Мураки. И нашел, наконец... Имам жил в пещерах на границе с Пакистаном. В провинции Кунар... Там пуштуны близко никого не подпускали... Они бы сами умерли, но не дали никому прикоснуться к имаму...

– Что-то я про него слышал, – майор Солоухин попытался вспомнить. – Кажется, он очень старый... Так?

– По каким-то источникам имаму Мураки около ста семидесяти лет, хотя в официальной справке обозначен возраст около ста лет. Без уточнения... Когда человек родился и вырос в горах, далеко от городов, точный возраст узнать трудно. Но есть и легенды, которые говорят, что ему далеко за двести, а легенды всегда более живучи, чем официальные документы. И это придает имаму больше авторитета. У нас уважают тех, кто пережил обычную старость...

– Хорошенькое дельце... И вы хотите нас заставить убить такого старика... Однако почему бы вашим не попробовать это сделать самим?

– Не получится! Афганцы не пойдут на это... – откровенно сознался капитан Латиф. – Они все считают Мураки святым, даже атеисты...

– Это как? – не понял полковник Раух.

---

¹ ХАД – служба безопасности Афганистана.

– В Аллаха не верят, а в Мураки верят... Он лечит одним прикосновением. К нему лечиться ездил сам Тараки.² И еще много чего... Имам кормит голодных. Он из пустой руки высыпает горсть риса, и из этого риса можно сварить большой казан плова на всю деревню... Он делает много чудес. Или просто люди рассказывают о чудесах, которые он делает... Так бывает чаще... Но слухам верят. И потому его слову подчиняется каждый афганец...

– И зачем же его убивать? – Солоухин, пока приказ не прозвучал, пытался по возможности уйти от этого задания. – С ним пробовали договориться?

– К нему подступиться невозможно...

– Ладно, отставить пустые разговоры, – наконец сказал полковник Раух, и Солоухин понял, что все его отговорки во внимание приниматься не будут. – Получен приказ, и его следует выполнять. Капитан Латиф будет прикомандирован к твоей, майор, группе. Приказ, кстати, обсуждался «наверху», с афганской и с советской стороны, и не нам решать, что следует делать со стариком... Сколько людей возьмешь?

– Сколько людей сопровождает имама?

– Он едет с обычным караваном, – сообщил капитан. – С ним только личные охранники, выделенные пуштунами. Плюс к этому охрана каравана. Но мы даже не знаем ее численность. Вам лучше знать, сколько бывает обычно. Вы же специализируетесь по караванам...³

– Тогда обойдусь усиленным взводом.

– А я хотел предложить тебе целый батальон... – сказал Раух. – Может, есть смысл перекрыть все пути отхода? Операция на контроле... – полковник поднял взгляд к небу, скрытому потолком.

Сам полковник символики своего последнего пояснения не понял, но майора Солоухина эта символика заставила усмехнуться. «Контроль» сверху за действиями спецназовцев, как видел его полковник, ограничен только потолком. Но над потолком имеется другой «контроль», поскольку речь идет о ликвидации человека, считающегося святым. И этот, последний, «контроль» приказам командования не подчиняется.

– Батальон заметят сразу, – майор ответил категорично и конкретно, чтобы скрыть горькую усмешку. – Хватит одного взвода... Ну, может быть, я еще отделение из взвода разведки возьму... И пару минометных расчетов... И взвод саперов, чтобы минировать дорогу... С такими силами справимся с двумя караванами...

– В кишлаке стоит отряд. Не слишком большой, но с опытом боевых действий. Они могут выйти навстречу или ударить вам в спину.

– Хорошо... Будем контролировать и кишлак. Лучше всего перед самым кишлаком и работать... Я, пожалуй, офицеров возьму командирами отделений. Рассредоточимся, чтобы все проходы блокировать... Поддержка авиацией возможна?

– Возможна, только не оперативная. «Шмели» базируются далеко. Если дело развернется ближе к утру, можно попробовать задействовать тяжелые бомбардировщики...

– Дело развернется к утру, – не зная даже положения вещей, гарантировал майор. – Если мы устроим засаду возле самого кишлака, дело обязательно развернется к утру, потому что маршруты передвижения всех караванов рассчитываются так, чтобы полностью использовать при движении темное время суток. Еще в темноте, прямо перед рассветом, они должны будут подойти к кишлаку. Я помню ту дорогу. Там ущелье делает поворот перед самым кишлаком. Вот там мы их и встретим. По крайней мере, если и не уничтожим, то сможем затянуть бой до прибытия авиации. И там, рядом с кишлаком, нас ожидать не будут...

---

² Вождя афганской революции Тараки задушил на заседании политсовета его ученик и ближайший сподвижник Хафизулла Амин. Проамериканский режим Амина был свергнут в результате беспрецедентной операции советских спецслужб в декабре 1978 года, результатом чего стала широкомасштабная гражданская война на всей территории Афганистана.

³ Уничтожение караванов с оружием и с наркотиками – основной вид «охоты» спецназа ГРУ в период афганской войны.

– Хоп, – согласился наконец полковник. – При таком раскладе можно просчитать и прилет «шмелей» и бомбардировщиков вслед за ними. Главное, чтобы ты запер их там, дал увязнуть...

– До рассвета мы их запрем...

– Тогда попрошу всех к карте. Будем просчитывать варианты...

Только сейчас из темного угла, где до этого сидел молча, вышел незнакомый генерал и тоже стал смотреть в карту. К счастью, молча...

На «проработке» обычных операций генералы не присутствуют, как хорошо знал Солоухин. Должно быть, это и есть один из вариантов того самого контроля...

Похоже, святой имам сильно «достал» всех...

2

Вопросы веры в Советской армии обсуждать было не принято, так как эти вопросы не входили в обязательный и утвержденный перечень тем для занятий политподготовкой. Поскольку церковь многие годы была уже отделена от государства, сильнейшая часть его, этого государства, была отделена тоже. Человек верить в Бога, естественно, мог себе позволить. Но держать в казарме или в военной канцелярии икону не разрешил бы никто. Там место отведено только для портрета Ленина, генерального секретаря партии и, в лучшем случае, для кого-то из старых полководцев. И не более... Ну, разве что к приезду кого-то из полководцев современных, если находили, вывешивали и его портрет. Такое положение одинаково касалось и стройбатов, и экипажей атомных подводных лодок, и подразделений спецназа ГРУ.

У майора Солоухина дед по материнской линии был сельским священником, хотя и основательно пьяным, но честным и бесконечно добрым, как казалось мальчику, человеком. Конечно, верующей женщиной была и его мать, дочь священника. И потому он сам, уже и в зрелые годы, к вере относился лояльно. Грубо говоря, не был верующим, но и неверующим тоже не был, как большинство советских людей, не увлеченных партийной карьерой. Как и отец тогда еще будущего майора спецназа ГРУ, офицер-пограничник. Отец сам церковь не посещал, но не запрещал этого делать жене и не был против того, чтобы она брала с собой сына. Но отец не получал от собственной матери того воспитания, которое маленькому Стасу пыталась дать его мать. Не навязывая, но мягко приучая к пониманию и приятию веры. Мать, к сожалению, умерла рано, воспитание сына не завершив. Появившаяся через год мачеха сняла с груди маленького Стаса оловянный крестик, подарок деда. Не злобно, не назойливо, но просто сняла и убрала куда-то. С тех пор, с шести с половиной лет, Стас крест не носил. И в доме у них больше не возникало разговоров о Боге. Но заложенное родной матерью в самом раннем детстве чувство в душе все же осталось. Как осталось и воспоминание о поездке с родителями в деревню к деду. Стас тогда был еще маленьким, все целой картиной вспомнить не мог, но отдельные эпизоды в память впечатались и остались в ней навсегда. Как дед читал молитву и крестил стол перед тем, как все сядут за него... Как сам он стоял во время службы в тесной одинаково вправо, влево и вперед, но просторной, если смотреть вверх, сельской церкви и держал перед собой зажженную свечку... И постоянно боялся при этом, что маленькая капелька парафина стечет по свечке и обожжет ему пальцы. И потому, когда свечка сгорела больше, чем наполовину, смотрел он больше не на службу, не на деда, службу ведущего, а только на играющее на сквозняке потрескивающее пламя и на каплю... Легко вспоминалось и то, как приветливо и с уважением здоровались пожилые сельчанки с дедом, когда тот шел со Стасом по деревенской улице...

Давно превратившись из Стаса в Станислава Юрьевича, майор Солоухин не забыл, как мальчиком рассматривал в церкви крупное распятие и, при мыслях о страданиях Христа, слезы катились у него по щекам. И думал он тогда, как сам он смог бы переносить такие страдания... И уверен был, что не смог бы перенести их, потому что боли в детские годы, как все его сверстники, очень боялся...

И эта память осталась в нем навсегда...

И, получив задание на уничтожение святого имама, выйдя из штаба на крыльцо и глядя в темно-синее небо над исстрадавшимся гордым Афганистаном, майор Солоухин чувствовал себя не самым лучшим образом. И не было никакой разницы, что этот святой – человек совсем иной веры, к тому же враг в этой войне. Одно слово – «святой» – словно тормозило все его привычные офицерские навыки. Но сил противостоять приказу не нашлось.

Воспитанное еще отцом чувство военного человека в крови его утвердилось прочно и было гораздо сильнее всех остальных чувств...

* * *

– Они *должны* были появиться сегодня к утру... – капитан Топорков оперся локтем на «стопятку»,⁴ выставленную на каменном пригорке, и грыз какую-то толстую пустотелую травинку, нервно сплевывая горький сок, но совсем не морщился при этом, только глазами показывал свое отвращение. Тем не менее грызть не переставал. Это была известная всем привычка капитана. Если не было под рукой травинки, он грыз спичку, которую у кого-то брал, потому что сам не курил и спичек при себе не держал. – Последний, как я понимаю, срок... Не в воздухе же он, как святой дух, растворился... Один еще, я бы поверил... Но с караваном...

– Только в том случае, если мы правильно просчитали время пути. А мы вполне могли ошибиться, потому что караваны ходят по-разному. С наркотиками быстрее, с оружием медленнее. Все зависит от тяжести груза и возраста транспорта. Мы ведь даже не знаем, что везут в этом караване. Может быть, одного Мураки и везут и на каждой остановке народу показывают... – Майор Солоухин убрал в футляр мощный трофейный бинокль, каких в Советской армии не видывали, и посмотрел на капитана Латифа. – Что скажешь, хозяин положения? Где твой разлюбленный святой мог застрять? Не в воздухе же он, в самом деле, с караваном растворился...

Афганец передернул плечами, словно отмахнулся. Солоухин его состояние определил правильно. Капитан Латиф заметно нервничал. У него даже пальцы постоянно подрагивали, и он, чтобы скрыть дрожь, без конца сжимал одной ладонью другую, словно бесконечно сам с собой здоровался. Нервничать он начал, как Солоухин заметил, с самого начала, еще с посадки в вертолет. И, конечно, не от страха, потому что афганцы страха лишены начисто – такой народ, и это еще Александр Македонский признавал, когда завоевывал Бактрию и Согдиану.⁵ Майор понимал, что, подчиняясь приказу, капитан идет против своего желания и своей совести, точно так же, как Солоухин идет против своей, отправляясь на эту операцию. Но он – иностранец и иноверец. Если, конечно, членство в коммунистической партии можно считать верой. А Латиф – мусульманин и, видимо, очень уважает престарелого имама, хотя и боится показать это. И оттого еще сильнее нервничает.

– Вот и я тоже хочу только плечами пожать, – умышленно членораздельно произнося слова, с неприязнью и жестко сказал Солоухин, не принимая поведения капитана и не подыскивая ему оправдания, хотя сам, как понимал, на его месте испытывал бы точно такие же чувства внутреннего грызущего противоречия. – Вы нас втянули в это дело, а мы сиди и жди, когда нас обнаружат и окружают... Где радист?

Майор повернулся к капитану Топоркову.

– Савельев, – негромко позвал Топорков.

Радист оказался рядом и тут же подбежал, перепрыгивая через камни.

– Связывайся с «девятьсот семнадцатым», доложи, что караван не пришел. Просим к вечеру вертолеты... Будем возвращаться...

И тут же услышал, как за его спиной с громадным облегчением вздохнул капитан Латиф. Майор обернулся. Латиф улыбался во все лицо. Не будь Солоухин так сердит на всех афганцев, и тех, против которых воюет, и тех, что втянули Советский Союз в эту войну, и даже тех, кто воюет рядом, но боится брать на себя ответственность за операцию, вынуждая спецназовцев делать «черное дело», он бы в ответ точно так же улыбнулся. Собственному решению улыб-

---

⁴ Переносная радиостанция Р-105 в походном состоянии упаковывалась в специальный рюкзак, удобный для транспортировки за плечами радиста. В настоящее время снята с эксплуатации и используется только как учебное пособие и тренажер.

⁵ Бактрия и Согдиана, два древних государства на территории современного Афганистана и среднеазиатских республик бывшего Советского Союза, были уничтожены нашествием Александра Македонского.

нулся бы. И сейчас улыбнулся, но только отвернувшись, чтобы эту улыбку не видел чужой капитан.

– По-прежнему себя не обнаруживать. Собираем манатки...

Солдаты не были в курсе задания. И потому солдатам не с чего было проявлять радость. Был бой – не было боя, уничтожили караван – не нашли караван... Это дело уже привычное и обыденное для спецназовцев любого звания. Но офицеры, принимающие участие в операции, среагировали, как и сам Солоухин, – облегчение было заметно.

Уничтожать святого, пусть и чужого, не хотел, кажется, никто...

* * *

Отряд уже был готов к выступлению в сторону площадки, выбранной заранее для посадки вертолетов, когда на очередном сеансе связи пришла радиограмма из штаба. По мрачному лицу капитана Топоркова майор сразу понял, что поступил новый приказ и каков именно этот приказ. В принципе, он сам в глубине души, понимая обстановку, ожидал именно такого ответа, хотя и надеялся на ответ противоположного характера.

– Остаемся?

Топорков бессильно развел руками:

– Остаемся...

Солоухин вздохнул обреченно и встал, чтобы его было видно всем.

– Отставить сборы... Новый приказ...

Майор все же не удержался и глянул на стоящего рядом капитана Латифа. Реакция оказалась вполне предсказуемой. У афганца гримасой боли откровенно исказилось тонкое лицо. Надежды рухнули, как потолок на голову, придавили, и он не нашел в себе сил, чтобы сопротивляться такой тяжести скрытно...

– Что говорят?

– Поступили данные их ХАДа. Караван задержался в каком-то кишлаке, где имам встречался с несколькими полевыми командирами. И запретил им воевать между собой. Их специально собирали туда на третейский суд. Имама слушаются.

– Состав колонны известен?

– Около сорока человек. Все вооружены. На четырех грузовиках. Груз не определен, но, судя по всему, везут оружие и боеприпасы. Рессоры грузовиков просели до упора.

– Когда здесь будет? Предположительно...

– Один переход остался...

Переходы караванов обычно проходят ночью. Значит, ближе к утру придут в ущелье...

– Вадимиров где?

– Вадимиров! – негромко позвал Топорков командира разведвзвода.

Старший лейтенант подбежал молча, тоже понимая, что после сеанса связи должен поступить новый приказ, и одними глазами спрашивая, что это за приказ. Любой приказ в первую очередь касается его, потому что без разведки на войне никуда...

– Выступай на старый пост. Следи, Саня, за кишлаком как следует... Остальным – отдыхать до вечера. Вечером, после наступления темноты, занять прежние посты и проконтролировать зону ответственности...

* * *

Наконец-то старшему лейтенанту Семарглову предоставилась возможность выспаться. Он от удовольствия даже зевнул так торопливо-откровенно и в то же время так аппетитно, что

чуть челюсть себе не вывихнул. Даже рукой за нее схватился, словно придерживая. И тут же начал пристраивать бушлат за подходящим камнем – вместо подушки.

– Спим, товарищ старший лейтенант? – довольный, спросил младший сержант Симаков, сохраняющий надежду, что после дежурства на ночном наблюдательном посту его не пошлют еще и в охранение.

– Спим... И покурить теперь... – Василий Иванович на пару секунд задумался. – А курить все равно нельзя. Запах, понимаешь, кто-нибудь со стороны уловить может... Вдруг да ветерок прилетит... И подхватит...

Старлей уговаривал больше себя, чем младшего сержанта.

Симаков вздохнул, но он и сам отлично знал, что курить во время операции запрещается. Рядом со старшим лейтенантом, новичком в спецназе, позволил себе расслабиться. Но и майор недалеко. С майором шутки плохи. Во второй раз он уговаривать не будет...

Семарглов устроился поудобнее и сразу провалился, но не в сон без снов, как было все последние дни, а в непонятное состояние полудремоты. Сонливость он пересилил еще на посту, и после этого чувствовал себя, словно в полусне. Ходил, разговаривал, что-то делал, не засыпал на ходу полностью, но и полностью бодрствующим себя не ощущал. А сейчас перешел в такое же почти состояние, только с большей долей сна, когда считаешь себя спящим, но тоже не полностью, и слышишь все, что вокруг происходит. Но это состояние не слишком долго длилось. Усталость свое все же взяла, вдавила тяжелые плечи в землю, и сон старшего лейтенанта тут же обнял и понес куда-то. Но только на несколько минут, потому что вскоре он проснулся от звука шагов – кто-то прошел рядом. Быстро, показалось, уснул снова и опять проснулся от разговора в стороне. И так раз за разом...

А потом Василию Ивановичу все же приснилась жена. Впервые за долгое время. Проснувшись, но еще не открыв глаз, он точно помнил, что видел жену во сне, но никак не мог вспомнить, при каких обстоятельствах, и был ли он сам рядом с ней. Но на душе от такого сна стало легче. И даже показалось, что он уже выспался...

* * *

Устроился отдохнуть и майор Солоухин, тоже не сомкнувший за ночь глаз, но более привычный к такому боевому графику и потому переносящий бессонницу легче. Однако любой, даже самый тренированный, организм восстановления требует всегда, и избежать такого состояния невозможно. А в предстоящий бой вступать лучше будет со свежей головой, и не зевая слишком громко. И потому, едва сомкнув веки, майор уже спал. Но и у Солоухина отдых был не долгим. Впрочем, сам он хорошо знал, что так и бывает обычно, когда дело начинает раскручиваться на полные обороты.

Уже через полтора часа прибежал вестовой от старшего лейтенанта Вадимирова. Так бежал, что упал где-то на камнях и сбил себе колено до крови. Через штанину отчетливо проступила свежее кровавое пятно, и сам рядовой заметно прихрамывал.

– Товарищ майор! – позвал вполголоса в согнувшуюся спину.

Солоухин проснулся сразу с ясной головой, как просыпаются только дикие животные и люди, неестественно привыкшие к войне, вопросительно посмотрел на вестового.

– «Духи»... – прошептал боец, словно «духи» передвигались вниз, под склоном, на котором расположился отряд, и могли его услышать.

– Где? – майор прокашлялся, чтобы убрать сонную хрипотцу, и сел, и положил на колени автомат, на котором привычно спал, используя приклад вместо подушки. Он не торопился, даже после сна понимая, что оказаться в опасной близости «духи» не могут, и потому разговор шепотом не поддержал.

Солдат махнул рукой, показывая направление, перевел дыхание и продолжил:

– Из кишлака выступают. Целый отряд. На двух грузовиках. Шестьдесят два человека вооруженных и трое без оружия. Эти трое, похоже, муллы... По крайней мере, двое из них...

– В какую сторону? – майор сделал круговые движения плечами – три раза вперед и три раза назад, разгоняя кровь в мышцах.

– В нашу... Товарищ старший лейтенант говорит, что, похоже, едут имама встречать. Одежду чистили, готовились, как на праздник...

– Капитан Латиф! Ты где? – обернулся майор. – Слышишь?

– Слышу... – Латиф лежал на боку, отвернувшись в другую сторону, и к командиру отряда повернулся только после вопроса. Судя по голосу, его совсем измучила зубная боль.

– Что это может значить?

Афганец ответил не сразу. Но Латифу пришла, похоже, вдруг мысль в голову. И он заговорил увереннее, стараясь убедить голосом, но, с наивной азиатской хитростью, боясь показаться навязчивым и этим уже вызвать недоверие. Но интонации капитана выдавали:

– Я думаю, это дополнительное охранение имама Мураки... Может быть, где-то произошла утечка информации и они, там, внизу, знают, что за имамом охотятся... Если это так, то к нему не подпустят никого... И самого имама спрячут... Шестьдесят человек... И около сорока должно быть в колонне. Итого, сто моджахедов... Нас только сорок...

– Сорок два, – сурово поправил майор и жестко, как окрысился, улыбнулся. Он уже понял, куда ведет разговор Латиф, но при этом сам отлично знал, что такое спецназ ГРУ в действии. Афганцу же узнать это еще предстояло, и очень, судя по всему, скоро. Сил в охране даже меньше, чем можно было бы предположить. Отказаться от выполнения задания при таком количестве «духов» – это поднять и себя, и репутацию всего спецназа ГРУ на смех. – Но мы в засаде... Значит, стоим ста двадцати, если не ста тридцати... Выгодное положение для боя... Всем – не показываться... Пропускаем машины... Наблюдаем...

Прошло не менее десяти минут до момента, когда два стареньких грузовика, покрытых поверх тента таким густым слоем пыли, что на нем можно было писать лопатой опознавательные знаки, показались из-за поворота ущелья. Дорога ничем не отличалась от большинства афганских сельских дорог, и поспорить с ней наличием колдобин и ям могли только сельские же дороги СССР, и неизвестно, за кем осталось бы первенство. Ветра не было и, похоже, не предвиделось, и пыль, поднимаемая из-под колес, вставала позади кузова большим и плотным, тягучим облаком, которое капотом следующей машины предстояло пробивать, как тараном. И если первую машину рассмотреть можно было вполне сносно, то вторая, чтобы иметь хоть минимальную видимость, отстающая от первой метров на тридцать, была почти скрыта от наблюдателей этим пыльным облаком. Такое передвижение в колонну, как знал Солоухин, не отрывающий глаз от бинокля, будет продолжаться еще долго, пока ущелье не расширится и не даст возможность грузовикам ехать рядом. Но там, дальше, делать засаду бесполезно, хотя, с другой стороны, там ее определенно не ждут. Однако что делать с эффектом неожиданности, даже если и удастся остановить колонну, которая развернется в таком месте веером, этого не подскажет никто. И узкое место всегда останется узким местом, как бы ни ждали моджахеды атаки именно здесь. Тем более что возвращаться вместе со встреченным караваном они будут, несомненно, еще в темноте. Ждут – значит, дождутся... Подобное привлекается подобным...

Майор Солоухин долго еще провожал биноклем облака пыли, все удаляющиеся и удаляющиеся, но постоянные в своем присутствии так, словно это одно и то же облако движется вдоль ущелья, а вовсе не одна пыль оседает, а другая поднимается взамен.

– Семарглов! – позвал он, когда убедился, что грузовики ушли далеко, вот-вот за поворотом скроются и возвращаться не намереваются.

– Я! – откликнулся старший лейтенант и в три длинных прыжка одолел расстояние до командирского окопчика. Присел рядом на корточки.

– Как, Василий Иванович, с куревом?

– Креплюсь... Хочется иногда, но я себя, товарищ майор, убеждаю. Пока получается... – Старший лейтенант улыбнулся серым от пыли лицом, и белые зубы блеснули на солнце, как неожиданный праздник.

– Получится, Василий Иванович, я же сказал... Убеждай... Сейчас вот что... Бери с собой отделение саперов и еще одно отделение в заслон. Посты с двух сторон выстави – подальше. Если что, в столкновение не вступать, скрытно отходить по склону... Саперы пусть переминируют участок на всю дистанцию прохождения колонны. Ориентироваться на шесть грузовиков, держащих дистанцию из-за пыли. Учесть, что машин может прибавиться. Хотя бы на парочку штук. Перекрыть пути отхода в ту или иную сторону всем...

Дорога уже была предварительно заминирована, только взрыватели в мины пока не вставили, чтобы случайный транспорт не попал под взрыв и не сорвал операцию против нужного объекта. Но предварительное минирование осуществлялось из расчета на четыре грузовика. Если колонна увеличится, минированный коридор может ее не захватить.

– Понял, товарищ майор, – старший лейтенант не только характером легок, он еще и на ногу скор, и тут же побежал выполнять приказание. Майор долго провожал его взглядом, думая о чем-то своем...

– Взрыватели ставить только ночью! – на всякий случай Солоухин вслед еще раз напомнил прописную истину. Кто знает, что в голове у малоопытного в таких делах старшего лейтенанта. Впрочем, саперы с ним идут толковые, проверенные, подскажут...

3

Мерцали, как сигнальные фонари, звезды в чистом холодном небе. Когда долго смотришь на них, кажется, что уже много-много лет недвижим сидишь вот так на одном месте. И даже привыкаешь к такому своему положению, смиряешься. Но подолгу на звезды не смотрел никто. Не до того...

К середине ночи, стараясь остаться незаметными для возможного скрытного наблюдателя, все посты распределились по конкретным местам, освоенным и даже слегка благоустроенным уже несколько дней назад. Скрытный наблюдатель, понятно, в этой местности мог появиться только из кишлака – неоткуда больше ему взяться, и старший лейтенант Вадимиров со своими разведчиками загодя подошел к кишлаку на опасно близкое расстояние, чтобы контролировать возможное передвижение жителей во всех направлениях и не допустить обнаружения посторонним взглядом присутствия спецназа. Приказ Вадимиров получил конкретный и жесткий. Сам он хорошо знал, что такое «не допустить», и умел обеспечивать подобное положение, и потому риск работы в близком визуальном контакте с возможным противником старшего лейтенанта смущал мало.

И потянулось привычное утомляющее ожидание. Когда ожидание растягивается на несколько дней, оно не ощущается слишком остро. Но когда уже решился вопрос со временем встречи каравана, когда уже точно знаешь, что остались считанные часы, ожидание всегда становится наиболее напряженным и почти осязаемым. Порой даже чувствуешь, что воздух вокруг готов тонко зазвенеть от каждого неловкого или неосторожного движения, способного произвести звук, чуждый звукам этой тихой ночи.

Старший лейтенант Василий Иванович Семарглов, как и распорядился майор Солоухин, занял со своей группой из четырех бойцов позицию замыкающего. Эта позиция, как и передовая, где сидят разведчики старшего лейтенанта Вадимирова, считается наиболее опасной, потому что попытки прорыва возможны только в две стороны. На передовой позиции, где командовал старший лейтенант Вадимиров, положение, говоря по правде, еще опаснее, потому что там есть вероятность получить удар в спину из близлежащего кишлака. Потому майор Солоухин по возможности усилил передовую группу, но не в ущерб основным силам, которым предстояло вести огонь на уничтожение каравана, а в ущерб группе Семарглова, которому были выделено всего четыре человека. Но наличие основательного запаса мин – не зря майор Солоухин заставил бойцов тащить их от места высадки до места засады, в путь не ближний и не легкий! – позволило предельно обезопасить положение этой группы, к тому же имеющей прекрасную позицию на скале, возвышающейся над дорогой. Все подходы к скале снизу, как и дорога под ней, были заминированы.

А ожидание тянулось и тянулось, похожее на безостановочный бег горного ленточного ручья, многие века точащего высокий ледник на перевале. И это ожидание утомляло больше, чем может утомить скоротечный, но яростный бой...

Ночь уже близилась к концу, но время до рассвета еще оставалось, когда показалось, что начало светать. Но светать почему-то начало вовсе не там, где следовало, то есть не на вершине хребта, отчеркивающего небо от горизонта резкой изломанной линией, а гораздо ниже, намного ниже. Если присмотреться к темноте, то можно понять, что обманчивый свет этот, неровный и отчего-то играющий, подрагивающий и перемещающийся, выползает с дороги, которую пока еще не видно не только из-за ночного времени суток, но и из-за неровности почвы на дне ущелья. Подъемы и спуски плавные, и потому во время пути не слишком заметные, издали кажутся ощутимыми и прикрывают до поры до времени свет фар грузовиков. Но, как только расстояние сократится, все изменится, понял старший лейтенант. И правда, уже через пять минут сначала донесся неровным гулом шум многих натужно, на низкой пере-

даче работающих двигателей, а потом рассеянный свет собрался вдруг в парные пучки, и из-за бугра, как низкая луна из-за облаков, двоящаяся по какой-то природной причуде, выкатила первая машина. За ней не сразу, но все же появилась и следующая, с трудом просвечивающая слабыми фарами пылевое облако, не желающее уходить ни в какую сторону. Третья машина шла всего с одной горящей фарой, но теперь облако было уже гуще, и свет вообще пробивался сквозь него с трудом. Последние машины шли так, что свет фар только угадывался, с трудом пробивающийся сквозь пылевую завесу. Хотя это, очевидно, казалось только издали. Вблизи, должно быть, водители видели дорогу впереди или то, что здесь дорогой не слишком оправданно называлось.

– Однако слишком уж растянулись... – сам себе посетовал старший лейтенант Семарглов. – Как бы им в зону минирования-то поместиться...

– Поместятся... – уверенно сказал Кротов, прапорщик-сапер с тонкими и длинными тараканьими усами, рассматривающий колонну в бинокль. – Семь грузовиков. Должны поместиться. Мы запас дали основательный. В крайнем случае, будем отсюда бить отставших по двигателю...

– И по колесам... – сказал сержант-сапер. – У них и без того резина у всех, как бумага... И как ездить не боятся...

Они оба уже больше года воевали в спецназе и участвовали во многих операциях, со счета, наверное, сбились. И старший лейтенант Семарглов, хотя являлся командиром маленькой группы, предпочитал слушать, что ему подскажут, и командовать, показывая свое неумение работать из засады, не рвался. Легкость характера позволяла ему чужое мнение выслушивать и с толком использовать...

* * *

– Никак этот выпался! – сказал старший лейтенант Вадимиров, в бинокль наблюдая, как, выйдя во двор, потягивается голый по пояс крупный волосатый мужчина. Мирный, наверное, житель, типичный. И даже пистолет в кобуре, подвешенный на поясе к тонкому ремешку, вовсе не обязательно говорит о том, что это душман. Мирные жители здесь тоже любят оружие, а душманы вообще в туалет ходят с автоматом. – И откуда только такие бессонные берутся!..

– Сердце у него большое... Прямо под пулю подставляет... – добавил ефрейтор Щеткин, снайпер взвода разведчиков, разглядывая того же мужчину через оптику винтовки.

И бинокль, и прицел снабжены приборами ночного видения. Без этого в разведке не обойтись. Тем более в такой операции, когда разведчикам поставлена задача – определить и уничтожить возможного наблюдателя до того, как он сам обнаружит спецназовцев в засаде.

– Собака красивая... – оценил старший лейтенант большущего волкодава с купированными ушами и хвостом. Волкодав, потянувшись, как и хозяин, подставил умную голову под хозяйскую руку. Рука легла на голову мягко, с любовью, которая ощущалась даже на расстоянии. Пальцы грубовато-добродушно потрепали пса за ухом.

– У нас в деревне был такой... Мужик из города переехал... На пенсию вышел и переехал... И собаку в сторожа взял... Ох, и зверюга! Его с лопаты кормили, чтоб руку не отхватил... Все цепи рвал...

– Этот, похоже, ласковый...

Во двор вышла девочка лет десяти, взяла несколько кривых поленьев из сарая, понесла в дом. Мужчина проводил ее взглядом и что-то строго сказал в спину. Девочка не обернулась, но заспешила. Пес, уловив интонацию хозяина, сердито гавкнул.

– Не очень-то и ласковый... Такой приласкает – как маму зовут, напрочь забудешь...

– Ладно... Ты улицу контролируй, а я посмотрю за этим... Что он так рано встал? Я такие ранние подъемы без тревоги не понимаю... А тревоги пока не наблюдаю...

Ефрейтор перевел прицел чуть в сторону и начал медленно поднимать ствол, чтобы посмотреть всю длину узкой, но прямой улицы.

Несколько минут наблюдение продолжалось молча. Ни на улице, ни во дворе ничего не происходило. Потом во двор к мужчине вышла женщина, вынесла рубашку, жилет и традиционную афганскую шапочку, похожую на высокий женский берет. Мужчина в сопровождении собаки отправился в сарай и выехал оттуда уже на мотороллере, отталкиваясь ногами от земли. И завел его только возле ворот.

– Та-а-ак... – обеспокоился старший лейтенант. – Кажется, есть желающий встретить колонну... Это уже меняет планы... Иванов-Петров-Сидоров!

Трое разведчиков, фамилии которых командир всегда произносил как одну, в несколько стремительных прыжков оказались рядом.

– Так, мальчики... Перекрывать дорогу. Человек на мотороллере. Пропустить нельзя. Стрелять нежелательно. С ним может быть большая собака. Понятно?

– Так точно, – за всех, как обычно, ответил Сидоров и показал прикрепленную к поясу тонкую веревку. – Шлагбаум выставим... А собака... Что собака? У нас Петров специалист по собакам. Обеспечит...

– Вперед! Щеткин страхует с места!

Ефрейтор кивнул. Солдаты тут же исчезли в темноте, спускаясь напрямик к дороге. Старший лейтенант Вадимиров, как ни старался, не услышал ни звука. Аккуратно спускались. И старший лейтенант перевел бинокль на дорогу. Мотороллер работает не так слышно, как мотоцикл. Надо не выпускать человека из вида...

* * *

Майора Солоухина больше всего волновал тот же самый вопрос, что и старшего лейтенанта Семарглова, – при том, что из-за сильной пыли на дороге видимости нет никакой и автомобили вынуждены держать основательную дистанцию, поместится ли вся колонна в заминированном участке? Предварительный расчет был на то, что первая машина взрывается на обычной фугасной mine и запирает ущелье, делая движение вперед невозможным. Замыкающая группа во главе с Семаргловым приводит в действие мину с дистанционным взрывателем, чтобы взорвать замыкающую машину. Остальные мины установлены внизу из расчета проверенной психологии поведения отряда моджахедов. Опыт боевых действий здешний отряд имеет, и командир без труда сможет определить по частоте стрельбы, что спецназовцев в засаде немного, и они, из-за растянутости колонны, сами вынуждены растянуть строй. И пожелает атаковать. И подготовка к атаке обязательно должна заставить «духов» искать предварительное укрытие в придорожных камнях, когда-то скатившихся со склона и потом отодвинутых с дороги чьими-то стараниями. Такие действия естественны, поскольку камень представляет собой лучшее укрытие, чем машина, которая всегда готова взорваться. Там, среди камней, по всей длине коридора установлены мины-лягушки.⁶ Эти мины имеют большую площадь поражения и способны сорвать любую атаку, которую из пылевого облака организовать вполне возможно, потому что спецназовцам в засаде не видны действия душманов. А бестолковую атаку, которая только и останется возможной из-за взрыва мин-лягушек, спецназовцы своими малыми силами остановить смогут без проблем.

Главное, чтобы колонна поместилась в зону минирования. Тогда расчет Солоухина должен оправдаться полностью.

---

⁶ Мина-лягушка – противопехотная мина, после срабатывания первичного взрывателя подпрыгивает на расстояние от 0,5 до 1,5 метра, где и происходит основной взрыв и разбрасывание осколков. Считается миной с высокими поражающими свойствами живой силы противника.

– Топорков! – позвал майор.

Капитан оказался рядом.

– Выходи на связь. Вызывай авиацию. Самолеты уже должны быть в воздухе. «Шмели» не успеют... Скоординируй время. Предупреди летунов, что мы можем закончить дело раньше. Тогда будем сигнализировать ракетами. Пусть одновременно гонят транспорт для нас. Пока долетят, мы все дела закончим и можем сниматься...

– Понял... – капитан оглядел темноту, пытаясь глазами найти место, где устроился его радист младший сержант Савельев.

Темнота ничего не подсказала, но подсказала память. И капитан заторопился...

* * *

– Да от тебя, дружище, пыли не меньше, чем от грузовика... – сам себе под нос пробормотал старший лейтенант Вадимиров. – А собака вообще пылит, как трактор...

Мотороллер двигался по дороге медленно – слабосильный, да и по виду очень изношенный, старый. И складывалось такое впечатление, что он еле-еле успевал вырываться слабым светом фары из пыльного облака, им самим поднятого. Точно так же, утопая в пыли, бежала в стороне собака. И тоже облако за спиной оставляя. Правда, не такое большое, хотя, в отличие от двух колес мотороллера, имела четыре лапы. Нетемная ночь позволяла рассмотреть все это и при выключенном приборе ночного видения.

Вадимиров перевел бинокль дальше, чтобы посмотреть на своих солдат. Теперь уже только прибор ночного видения позволил ему разглядеть их, притаившихся за камнями в самом узком месте, там, где ущелье выходит к широкой равнине и запирается тем самым кишляком, из которого вышли мотороллер с собакой. Иванов-Петров-Сидоров уже заняли позицию. Иванов с Сидоровым, чуть не удобства соблюдая, пока время давало такую возможность, устроились за большими валунами по обе стороны ущелья. Бинокль позволил рассмотреть тонкую шелковую веревку в их руках. Все правильно. Веревка из комплекта. Стоит в последний момент натянуть ее, и она, как струна, аккуратно срежет голову седока мотороллера.

Но... Собака... Собака способна доставить больше беспокойства человеку, чем другой человек, и это общеизвестно. Вадимиров сам однажды имел возможность убедиться, как только семь выпущенных одна за другой пуль из пистолета Макарова смогли остановить такую собаку. Даже автоматные очереди не всегда справляются с ними. Эти туркменские волкодавы, как их называют, хотя распространены они во всей Средней Азии и на Кавказе, удивительно живучи, могучи и бесстрашны. Но и против них у разведчиков есть «лекарство»...

По мере того, как ущелье сужалось, собака начала обгонять мотороллер, словно почувствовала впереди опасность. Даже при полном отсутствии ветра, может быть, не запах, а просто врожденный инстинкт сторожевого животного погнал пса вперед. Мужчина на мотороллере тоже сначала добавлял скорость, чтобы не попасть в пыль, собакой поднятую, но большое количество камней на дороге не позволяло ему разогнаться. А собака стремилась вперед и вперед. И это уже становилось опасно...

– Щеткин... Готовься! – подал команду старший лейтенант.

– Готов... – хладнокровно и едва слышно ответил снайпер и слегка повел стволом в одну сторону, потом в обратную, расслабляя затекшие руки и напрягая глаз.

Старший лейтенант понял, что Щеткин просматривает возможность стрельбы и в собаку, и в седока мотороллера.

– Человека. С собакой Петров справится. Только в крайнем случае... По моей команде...

Если стрелять загоя в собаку, человек на мотороллере может среагировать быстро, услышав выстрел и увидев, что с бедным животным произошло. Если он развернется и поедет назад, попасть в него можно будет только случайно, потому что пылевое облако закроет обзор. Кроме

того, и в кишлаке могут выстрелы слышать. Поднять тревогу сейчас, в самый критический момент, когда вот-вот появится колонна грузовиков, – это может означать провал всей операции.

Но один-единственный выстрел вообще-то может остаться незамеченным. Не внизу, не в долине же стрелять. Там выстрел быстро бы оброс эхом и превратился в гром. Выстрел сверху, со склона, такого эффекта не производит. И все равно лучше избежать стрельбы, если такая возможность будет. Хорошо бы собака убежала вперед дальше. Чтобы человек на мотороллере не увидел из-за темноты и пыли, что с ней произойдет. А что произойдет, старший лейтенант Вадимиров знал отлично. Он сам проходил «противособачную» подготовку. И умеет убивать сильное животное быстро и без шума. Хорошо умеет это делать и Петров. Вместе тренировались...

Остается ждать. И ждать совсем недолго.

Теперь Вадимиров вообще не отнимал от глаз бинокль. И видел, как увеличивается дистанция между мотороллером и собакой. Увеличивается так быстро, что дает возможность рядовому Петрову сработать эффективно и незаметно. Так все и произошло.

Петров выступил из-за камня навстречу стремительному бегу отважного животного. Показал себя. И собака бросилась на него. Без лая, стремительно, хотя, наверное, и с обычным звериным яростным рыком. Поднятая согнутая рука с намотанным на предплечье бушлатом явилась первоочередной целью атаки. Солдат не попытался вырвать руку. Напротив, он сильнее втиснул предплечье в разинутую пасть, а сам другой рукой быстро захватил собаку за шею и сделал резкий встречный рывок двумя руками – левая вперед, правая к себе. Вадимирову даже с дистанции показалось, что он слышал хруст шейных позвонков. Тело несчастного животного упало в пыль, и Петров тут же оттащил его за камень. И вовремя, потому что мотороллер приближался.

– Может, лучше стрелять? – спросил снайпер.

Старший лейтенант Вадимиров понял, чем вызван вопрос. Через полминуты мотороллер может миновать зону засады, если она окажется неудачной, и тогда афганца не всегда будет видно. Стоит выбрать дорогу чуть левее, как скала скроет его от прицела снайпера.

– Пропускаешь... Парни работают... Страхуй момент...

Парни сработали. Дорога в этом месте была не слишком каменистой, скорее более пыльной. Мотороллер разогнался, стремясь от пыли оторваться на скорости. И только в самый последний момент Иванов с Сидоровым натянули веревку, концы которой были переброшены через камни, как через блоки. Удар веревки по горлу был настолько силен, что мужчина вылетел с сиденья в пыль без признаков жизни. И тут же солдаты бросились к нему. Та же самая пыль мешала старшему лейтенанту рассмотреть происходящее. Но он не сомневался, что парни завершат начатое. Тем более что Петров уже поспешил товарищам на помощь.

Облако пыли еще не осело, когда безжизненное тело унесли с дороги за камни туда же, куда Петров относил собаку. Спрятали на всякий случай и заглухший мотороллер.

– Порядок! – сказал сам себе, как доложил бы майору Солоухину, старший лейтенант Вадимиров. – Наблюдаем за кишлаком...

4

Начиналось все точно так, как майор Солоухин и предполагал. Десятки раз уже за время его службы в Афгане все начиналось так, что само по себе уже способно было выработать если не рефлекс, то хотя бы устойчивую привычку. Практически в каждой засаде, когда удавалось дождаться каравана, дело обстояло так же...

Висело в воздухе напряжение, висело и чуть подрагивало, передавая дрожь в пальцы сжимающих оружие рук. Фары грузовиков приближались, медленно, с усилием продавливая пылевые облака, проталкиваясь через них, как человек может проталкиваться через снежную пургу. А их самих впереди и, кажется, уже и сзади ждали с напряжением. Пошевеливались в руках спецназовцев автоматы, которые и терпение, кажется, уже теряли, стремясь выбросить собственную огненную убийственную энергию в людей, за светом фар скрывающихся. И не было автоматам дела до человеческих страданий, до боли человеческой, потому что у автомата только одна программа, которая не ведает жалости, и казалось, что они сами, помимо человеческой воли, рвутся начать бой. По крайней мере, каждому из бойцов стоило труда удержать пальцы и не нажать на спусковой крючок раньше времени.

Тянулось, тянулось время, превращаясь из философской энергии в липкую физическую субстанцию. Мышцы сидящих в засаде готовы были сократиться до ощущения судороги, вызывающей натушный крик. А потом все это резко оборвалось огненной яркой вспышкой и грохотом, когда передняя машина вдавила взрыватель в мину, и в коротком свете этого взрыва, за ничтожную долю секунды разбросавшего пыль из эпицентра события, было видно, как подбросило тяжелый грузовик вместе с грузом и людьми. И почти одновременно раздался второй взрыв. Замыкающая колонну машина въехала в зону, где был установлен управляемый фугас, и старший лейтенант Семарглов вовремя среагировал и замкнул контакт...

Моджахеды к такому повороту дела, казалось, были готовы всегда. Они и в самом деле всегда были готовы к подобным неожиданностям, не считая их неожиданностью – «когда над головой дождь, невозможно остаться сухим и чистым»,⁷ когда идет война, невозможно от нее уклониться. «Духи» и не думали уклоняться. Сразу, словно выполняя общую команду, погасили фары остальные грузовики. В темноте нельзя было рассмотреть, что происходит внизу, но майор Солоухин и без того хорошо знал, что там происходит, потому что происходить может только одно. «Духи» повыскакивали из машин. Они не знали, с какой стороны ущелья им ждать атаки, и потому не сразу заняли позицию. Естественно было сразу присесть, попытаться всмотреться сквозь пыль в темноту. И ничего, естественно, не увидеть. И потому им необходимо было дать подсказку...

– Огонь! – скомандовал Солоухин громко, чуть не с восторгом, словно радуясь тому простому факту, что впервые за последние дни, с тех пор, как он покинул вертолет, ему можно было говорить громко, можно было кричать так, чтобы слышали не только свои, но и враги. И даже специально громко, чтобы враги услышали. И поторопились. Он и в самом деле радовался, что сбросил в этом крике напряжение последних дней, застоявшуюся в теле и в мозге, тяжело изматывающую душу энергию. Ружье, что висит на стене, не только в завершение пьесы должно выстрелить. Если человек взял в руки оружие, если он занял место в засаде, он обязательно должен куда-то свою агрессивность сбросить, иначе она съест его самого...

Треск автоматных очередей перекрыл последние нотки команды – так велико было спринтерское нетерпение спецназовцев. И, конечно же, душманы среагировали. Пусть пыль мешает видеть всполохи ночных выстрелов, но звуку-то путь пыль не перекрывает. «Духи» среагировали правильно, как реагирует каждый караван. Прозвучала, должно быть, неслыш-

⁷ Пушкинская пословица.

ная спецназовцам, но убийственная команда. И «духи» двинулись туда, куда и должны были двинуться. К камням, что обязаны, по идее, защитить их от пуль и дать возможность подготовиться к атаке. Но и там их поджидала не защита, а смерть уже в другом, замаскированном обличье.

Майор Солоухин словно бы видел сквозь тьму и пыль, что происходит внизу. Сам он не стрелял, хотя и опустил предохранитель автомата в положение одиночного огня, потому что вообще не любил малоприцельную стрельбу очередями. Но, не стреляя, вглядывался в невидимое и даже правильно определил момент взрыва первой мины-лягушки, спрятанной под камнями. И почти одновременно прозвучало еще два взрыва. Это даже больше, чем майор предполагал. Один взрыв или два – это норма. Три взрыва в разных местах – это удача. Мины-лягушки, таким образом, могли уже почти сравнять силы спецназовцев и душманов. Должны были сравнять за счет своего повышенного поражающего действия.

И как раз в это время начался рассвет...

Как всегда в горах, стремительный, похожий на яростную солнечную атаку...

* * *

– Отсекайте их от тропы... – скомандовал старший лейтенант Семарглов, сам «выложивший» за один только мимолетный момент появления из-за валуна сразу три короткие прицельные очереди, увидевший, что все три очереди достигли цели, и спрятавшийся снова. Уж если не доводилось старшему лейтенанту в засадах воевать, он и не лезет с особыми командами. А вот в скорострельной прицельной стрельбе хоть из пистолета, хоть из автомата он может с любым опытным специалистом поспорить и не уверен, что кому-то уступит. Тогда как все расходуют на автоматную очередь три патрона, Семарглов всегда отстреливает только по два. И потому автомат во время боя остается более управляем, позволяет дать еще одну очередь до того, как следует для личной безопасности переменить месторасположение.

«Духи» словно знали, где сидят поджидавшие их спецназовцы. И сразу, без раздумий, после взрыва машины с грузом вывалившихся на обочину ящиков, начали атаку на скалу. Впрочем, они сами воевать умеют и понимают, что противник тоже этому делу обучен. И не надо быть великим стратегом, чтобы найти самое удобное для засады место. Они нашли его и не ошиблись.

– Зачем отсекают... – дав две очереди и даже из любопытства на результат не глядя, возразил прапорщик Кротов. – Там три мины... На всех хватит...

– Вот потому и надо отсекают... Иначе они в обход пойдут...

Душманы в самом деле стремились под огнем прорваться к узкой и извилистой тропе, позволяющей во время движения находить кратковременное укрытие, и предпочитали не терять времени на обход, который, как Семарглов уже разведal, занял бы при самом быстром темпе около двадцати минут. Правда, и там была выставлена мина. Но одна-единственная. И в единственном месте, где это было возможно. Но и возможно только в темное время. Рассветет, мину нетрудно будет обнаружить. Но «духи» об обходном пути или не знали, или предпочитали не тратить время, по звуку выстрелов определив количество спецназовцев на скале. Как и полагается, группа из пяти «духов» снизу прикрывала группу прорыва. Но нижней группе из-за пыли и темноты было плохо видно окрестности, и прицельно стреляли душманы только на мазки пламени из стволов. Впрочем, не прицельный и довольно хаотичный обстрел тоже был в состоянии доставить неприятности. Да и рикошеты от стоящих за спиной более высоких скал заставляли спецназовцев многократно втягивать головы в плечи.

Семарглов сдвинулся в сторону и снова дал очередь. Теперь только одну. Потому что «духи» отступали, потеряв половину из группы прорыва. И группа прикрытия по непонятной

причине огонь прекратила. Настала тишина. Даже в той стороне, где запертую колонну должны были обстреливать другие спецназовцы.

– Никого не задело? – спросил старший лейтенант и осмотрел своих бойцов.

– Мне погон порвало, рикошетом... – пожаловался солдат-сапер.

– Погон не нос, можно пришить, и никто не заметит... – скороговоркой проворчал прапорщик Кротов. – А носы у всех целы...

– Значит, «пять – ноль»... – зафиксировал Семарглов результат короткого боя.

Стремительно наступал рассвет...

– Почему наши не стреляют? Что там случилось? – Кротов высунулся из-за камня, всматриваясь в дорогу под скалой.

– Может, переговоры? – предположил старший лейтенант.

– С какой стати...

Прапорщик пожал плечами. На его памяти не было случая, чтобы попавшие в засаду душманы начинали переговоры, а уж спецназовцам такая растяжка времени совсем была не нужна...

* * *

Началось все как должно было начаться и напрямую вело к стандартному уничтожению каравана. Однако в дальнейшем привычный расклад событий, к удивлению майора Солоухина, дал крутой сбой, причем по совершенно непонятным причинам. Душманы не предприняли обычную яростную, самоубийственную атаку, чтобы прекратить не менее убийственное собственное уничтожение на дороге, и даже бой принимать откровенно не захотели. Лишь несколько очередей прозвучало со дна ущелья, где пыль уже осела полностью, да активная стрельба раздавалась из «хвоста» колонны, но потом отчетливо прозвучала громкая команда, передаваемая от машины к машине разными голосами, и стрельба душманов стихла. На рваные и частые очереди автоматов спецназовцев никто не отвечал.

– Прекратить стрельбу! – громко скомандовал и майор Солоухин, понимая, что вскоре следует чего-то ожидать. Но какой ход предпримут «духи», чтобы спастись, он заранее предположить не мог, и потому всматривался в дорогу, чтобы вникнуть в ситуацию хотя бы визуально.

Запас патронов на операцию всегда берется ограниченный, и, несмотря на обещанный вскоре прилет авиации, без патронов можно попасть в неприятную историю, как уже бывало порой. Тяжелые бомбардировщики, в отличие от привычных вертолетов, не смогут снять с места действия спецназовцев и не всегда в состоянии решить исход боя, если противники находятся в непосредственном контакте. Кроме того, кто, кроме самих душманов, знает, откуда может подойти к каравану подкрепление, способное кардинально изменить положение. Но, в ожидании прихода подкрепления, они тоже не должны были бы сидеть на месте, где ничуть не отличаются от стационарных мишеней на армейском стрельбище.

Долго раздумывать Солоухину не пришлось. Не прошло и пары минут, как на стволе автомата поднялась чья-то белая чалма – приглашение на переговоры.

– Время тянут? – предположил капитан Топорков.

– Нет, Леха, не похоже... Если бы вечером, тогда – может быть... А на рассвете... Какой смысл?

– Ждут подмоги из кишлака.

– Вадимиров не насчитал там больше десятка вооруженных людей... Он разведчик опытный... От десятка толку не будет, и надеяться на них не будут...

Новых аргументов у капитана не оказалось.

– Что тогда? Будем говорить?

– Порядочные люди в белый флаг не стреляют... Капитан Латиф, за мной... – рассудил майор и поднялся во весь рост.

Он стоял на высоком основательном камне, широко расставив ноги и глядя вниз, как памятник захватчику и оккупанту, и сам себя видел таким, сам себе таким не нравился, тем не менее вынужден был показывать уверенность и преимущество собственной силы, чтобы добиться необходимого результата и, следовательно, иметь возможность выполнить приказ. Стоял, смотрел и ждал, когда преодолеет часть пути до него стройный бородатый человек в каком-то странном полувоенном наряде, и только после этого шагнул навстречу. Не торопясь, с чувством уверенного хозяина на чужой земле, начал спускаться.

Следом за майором неохотно заспешил капитан Латиф, понимающий, что ему суждено выступить в роли переводчика в деле, в котором он хотел бы быть только посторонним неодобрительным наблюдателем, но никак не активным участником. Но штатного переводчика батальона старшего лейтенанта Николаева в отряд не взяли именно потому, что с майором Солоухиным в операции принимал участие капитан Латиф, совмещение задач которого обсудили сразу, еще на базе. Простых наблюдателей и болельщиков спецназ предпочитает с собой не брать. Кому нужна обуза, которая в случае крайнего обострения ситуации может быть опасной для жизни бойцов? Наблюдателей и болельщиков приходится защищать в то время, когда следует защищать себя...

* * *

Разведчики переместились ближе к кишлаку, чтобы иметь возможность в случае необходимости действовать более оперативно. И продолжали наблюдение уже с короткой дистанции.

– Вообще-то так рано они обычно не поднимаются... – ефрейтор Щеткин поводил стволом вверх и вниз – просматривая в оптику всю длину улицы. – И все, смотрите, товарищ старший лейтенант, все одеты, все вооружены... Слышали, наверное, взрывы?

– Конечно... – равнодушно констатировал старший лейтенант Вадимиров. – Не только слышали, я думаю, и чувствовали. Почва каменистая, скалы... Взрыв, как землетрясение... Волна по такой почве далеко идет...

Он смотрел в бинокль и отвечал, не отвлекаясь.

– А почему все одеты, все вооружены?

– Готовились, наверное, встречать. Знали, когда караван прибудет. Точно, все знали...

– И что сейчас? Будут на нас переть?

– Будут... – старший лейтенант перевел бинокль в другую сторону. – Только не навалом... А по боковой тропе попытаются нас обойти... Далековато, конечно... Попробуешь здесь, пока дальше не ушли, кого-нибудь снять?

– Кого?

– Только вооруженного. Безоружных не трогать.

– Безоружные только женщины...

– Вон того... Смотри... С переговорным устройством или с рацией, что там у него...

Ефрейтор более четко зафиксировал на камне опорный локоть.

– Есть вопрос... А с кем он общается? Если все вооруженные здесь, а он с кем-то говорит, значит, есть еще кто-то... Помешай ему договориться. Снимай! Быстрее!

Ефрейтор среагировал моментально. Выстрел СВД⁸ ударил хлестко, и по ущелью прокатилось, поигрывая на камнях и, как мячик, отлетая от крутых скал, эхо. Вадимиров увидел, как человек с портативной радиостанцией-трубкой в руках вдруг неестественно выгнул спину дугой и задрал голову, будто бы чихнуть собрался, но тут же упал навзничь.

---

⁸ СВД – снайперская винтовка Драгунова.

Несмотря на дальность расстояния, Щеткин с задачей справился.

Рация упала на землю, но не разбилась.

Душманы тоже среагировали – адекватно. Через две секунды уже все бросились искать укрытие, и мужчины, и женщины. Но один, самый, похоже, молодой, борода которого еще вырасти не успела, сначала устремившись к углу дома, резко повернул назад и попытался схватить трубку рации. Это ему почти удалось, но и ефрейтор Щеткин за ситуацией следил внимательно. Второй выстрел оказался не менее точным, чем первый. Согнувшись, молодой душман выпрямиться не успел, и рука его судорожно сжала трубку. Вадимиров в бинокль видел это движение так, словно был рядом. То, что увидеть из-за дальности не удавалось, подсказывало воображение.

– Годится...

Снайпер еще раз выстрелил. Пуля взметнула фонтанчик пыли рядом с рукой, сжавшей трубку.

– Что ты?

– Рация...

– Попробуй...

Следующий выстрел оказался более удачным. Пуля пробила кисть и расколола трубку рации. Теперь связи у душманов не осталось. По крайней мере, хотелось на это надеяться.

– Нормально... Нас не засекли?

– Засекли, конечно... Но я у них «оптики» не видел. Им не из чего стрелять... «Калашом» не достанут...

За спиной разведчиков, в ущелье, где встретили караван основные силы, начавшаяся активная стрельба вдруг смолкла. Что-то там произошло. Старший лейтенант даже обернулся, вслушиваясь.

– Не могли ведь уже всех прикончить...

– Не успели бы... – согласился ефрейтор.

– Ладно, – Вадимиров снова поднял бинокль. – У нас своя задача...

– Товарищ старший лейтенант, – рядовой Петров прыгнул с верхней скалы и тут же перескочил ближе к командиру. – Вон туда посмотрите...

Старший лейтенант посмотрел. Сначала просто, как и рядовой, потом поднял к глазам бинокль. На окраину кишлака с соседнего склона горы спускалась большая группа душманов. Никак не меньше ста человек, сразу определил Вадимиров.

– Петров, гони к майору. Доложи. Группа не менее ста человек. Входит в кишлак. Будем сдерживать до приказа... Но... Троп несколько... Обойти могут сразу...

– Понял, товарищ старший лейтенант...

Петров быстро поднялся, и, не оборачиваясь, Вадимиров слышал его удаляющиеся торопливые шаги. Полетели из-под ног камни...

– Щеткин! Сможешь тех достать?

– Достать-то можно...

– Ищи командира. Постарайся определить... Чем больше положишь, тем дольше сами жить будем... Давай...

И зачем-то ощупал, словно проверил, нагрудный карман. Там лежало помятое и зачитанное письмо из дома, и второе письмо, собственное, еще не отправленное, потому что написано оно было до получения письма из дома, и теперь хотелось уже написать новое. Надо было бы написать. И одновременно написать в другой адрес, другу детства, чтобы тот выполнил просьбу.

– Хочется жить, товарищ старший лейтенант... Ой, как хочется...

Несколько секунд молчания для задержки дыхания. И снайпер выстрелил три раза подряд...

– Всем жить хочется... Но не всем удастся... – старший лейтенант попытался рассмотреть в бинокль результат работы снайпера. И, кажется, остался удовлетворенным...

* * *

Бородатый душман растерянным или испуганным совсем не выглядел.

– Что вам здесь надо? – он обошелся без переводчика, объясняясь на русском языке даже лучше, чем капитан Латиф.

И во взгляде его было столько справедливой неприязни и собственного достоинства, что майора Солоухина будто бы холодом обдало и льдом обожгло где-то внутри, глубоко в груди. Тем не менее он собой всегда владел хорошо и смущения никак не показал и даже усмехнулся от такого наивного вопроса. Намеренно цинично усмехнулся, чтобы скрыть то, что мешало ему выполнить задание. И усмешка со стороны никак не показалась наигранной.

– Это уже звучит как политический диспут. Смею вас заверить, что такое мероприятие не входит в поставленную передо мной задачу. Я человек военный и только выполняю приказы, а политикой пусть занимаются политики...

– Что вам нужно?.. – повторил душман вопрос, вроде бы удивляясь, что его не поняли.

– Так вы еще не догадались? Мне почему-то показалось, что мы дали вам достаточно красноречивый и не слишком тонкий намек...

– Что надо вам? – еще раз, уже настойчиво и требовательно переспросил душман.

– Могу ответить более конкретно. Нам необходимо уничтожить караван.

– Караван... Хорошая добыча... Но – пусть так... Нас тоже хотите уничтожить? Или вы можете взять нас в плен?

– Я не вижу разницы... И вообще я не кровожадный человек...

– Тогда я готов предложить вам условия сдачи.

Солоухина такой поворот дела, может быть, устроил бы, если бы он не чувствовал в нем ловушку. Кроме того, он ведь специально задавал вопрос во время постановки задачи – святого имама уничтожить или можно взять в плен. Естественно, если бы душманы сдались, он не решился бы уничтожить имама. Приказ остается приказом, а совесть и честь Солоухин и на войне не потерял.

– Я слушаю...

Бородатый душман долго думал, видимо, подбирая слова и заранее формулируя в уме фразу, чтобы она стала предельно простой и понятной спецназовцу.

– С нами есть гражданские и духовные лица. Все они преклонного возраста и очень уважаемы в нашем народе. Но они не из нашего отряда. Это простые попутчики, которые едут по своим делам... Они вообще не имеют отношения к войне и, может быть, в чем-то даже лояльны по отношению к вам. Не все и не всегда, потому что все и всегда не могут быть лояльными, если они люди честные, вы сами понимаете, но... Пять человек... Только пять человек... Пропустите их в кишлак, тогда мы сложим оружие. Всем отрядом...

– Приятная, признаюсь, неожиданность... Только никак не пойму, чем вызвана такая щедрость?.. Просто подарок – не вступая в бой, стать победителем... У меня есть основания не вполне доверять вашим словам. Насколько я знаю афганцев, вы народ неуступчивый и не трусливый и не боитесь боя.

– Мы не боимся боя, как и гибели...

– И при этом хотите сдаться в плен... Вот я и не понимаю, по какой такой причине...

– По причине моего слова. Я дал слово доставить этих людей в кишлак в целостности и сохранности. И чтобы слово выполнить, готов поступиться своей свободой. Вас это не устраивает?

Солоухин мрачно покачал головой.

– Не устраивает. Я готов предложить другие условия. Вы всем отрядом сдаетесь в плен, мы уничтожаем груз вашей колонны, берем вас в плен, а потом уже, в Кабуле, пусть разбираются соответствующие органы – кто из вас воюет, кто гражданский человек, кто мирской, а кто духовный. Я не имею права взять на себя обязанности такого выбора, поскольку не имею критериев для определения и условий для проверки...

– Я повторяю, что взял на себя обязательства по доставке попутчиков. И не хочу подвергать их жизнь опасности... И не могу сдать их в плен вместе со всеми... Слово я привык держать...

– Уважаю человека, который держит слово, тем не менее принять такие условия я не могу, поскольку не знаю, что за люди скрываются под видом гражданских и духовных лиц. Согласитесь в принципе, что это вполне удобный способ маскировки. Я предлагаю вам сдаться всем составом... Это единственный возможный вариант...

Бородатый не раздумывал ни секунды. Должно быть, он заранее просчитал свое поведение в случае, если его предложение принято не будет.

– Я должен подумать и... И посоветоваться...

– Даю вам на это пять минут...

– Десять... Мне нужно дойти до других машин, до дальних... Машины растянулись...

– Даю вам на это десять минут, – майор Солоухин посмотрел на часы, показывая, что отсчет времени уже начался, и для наглядности постучал по циферблату указательным пальцем.

– Если мы не сдадимся, вы постараетесь нас уничтожить?

– Мы уничтожим вас... Без «постараетесь»...

– Боюсь, для вас самих это может плохо кончиться.

– В каком смысле?

– В самом прямом. За нас вам будут мстить. И вам лично, и всем, кто сегодня находится с вами... Вас всех жестоко уничтожат. Очень жестоко... Повторяю и предупреждаю – очень...

– У вас какой-то особый караван?

– Я – особый человек.

– Как вас зовут?

– Это неважно. Я согласился бы открыть свое имя перед, как вы говорите, соответствующими органами. В противном случае вы сильно рискуете.

– В данном случае рискуете вы, потому что время уже идет... – майор Солоухин еще раз красноречиво постучал пальцами по часам.

А бородатый внимательным взглядом окинул фигуру капитана Латифа, блеснул глазами, брезгливо фыркнул, как кошка, и, повернувшись, начал быстрый спуск по крутому склону. Спуск в этом месте был опасен. Мелкие камни вылетали у него из-под ног, но душман не упал и даже ни разу не споткнулся. Сразу было видно, что это идет человек гор, для которого подобный спуск так же привычен, как для горожанина прогулка по асфальту.

Майор с бледным капитаном Латифом вернулись на прежнюю позицию.

– Вы понимаете, о чем он говорил? – спросил Латиф.

– Имам...

– Да... За имама Мураки всем нам будут жестоко мстить. Нас уничтожат...

– Руки у них короткие. А угрожали мне часто. Я не из пугливых...

– Вы не знаете, что такое месть фанатиков... Они достанут вас и в Москве...

– Я не в Москве живу. Кроме того, я сам способен уничтожить того, кто хочет уничтожить меня. Меня много лет этому тщательно обучали, и я был всегда хорошим учеником.

Майор сел на свое привычное место за камнем. И теперь больше на минутную стрелку часов поглядывал, чем на происходящее внизу.

– Бомбардировщики... – раздался из-за спины голос капитана Топоркова.

– Минуту пусть подождут... Минута осталась... – посетовал Солоухин, сам слыша над головой форсированный вой авиационных двигателей, но голову не поднимая.

– Им как раз минута понадобится, чтобы сориентироваться. А «духи», кстати, позицию занимают. К бою готовятся...

Майор пригляделся. Душманы в самом деле занимали боевую позицию по всей своей вытянутой линии. Похоже, у бородатого командира слегка спешили часы.

– Но мы подождем... Тем более мы уже на позиции...

На дороге прогремел еще один взрыв, подняв новое пылевое облако и не позволяя рассмотреть результаты. Кто-то из душманов неосторожно выдвинулся на шаг дальше, чем следовало. «Мина-лягушка» свою миссию выполнила.

– Все! – сказал Солоухин.

– Самолеты развернулись. Первый пошел...

– Обозначить линию бомбардировки! – скомандовал Солоухин, и капитан Топорков почти торжественно, как дуэльный пистолет, поднял ракетницу...

5

«Духи» внизу были видны хорошо. Впечатление складывалось такое, что они не залегли, приготовившись к бою, а просто остановились отдохнуть после долгой и утомительной дороги. Словно совершенно не боялись, что сверху, со скалы, по ним начнут стрелять. И даже дважды открыто выходили из-за машины.

– Похоже, точно – переговоры... – решил старший лейтенант Семарглов. – Ни наши не стреляют, ни в наших...

– Непонятная ситуация... – согласился прапорщик Кротов, в переговоры по-прежнему не верящий. – Мы бы знали, если бы что...

– А как нам могли сообщить?

Единственная связь между группами в этой операции – сигнализация ракетами. Но сигнализация ракетами не предусматривает такую кодировку, как «переговоры».

– Может, будем стрелять? – предложил прапорщик. – Все равно потом придется.

Ситуация в самом деле казалась странной. Афганцы сами не стреляли и откровенно не боялись, что в них будут стрелять, словно не в засаду они попали, а встретили на пути другой караван, посматривают на незнакомых людей оттуда, и не больше.

– А если в самом деле переговоры? Подождем... Пострелять мы всегда успеем...

– Не успеем... – сказал солдат-сапер со сломанным носом и показал пальцем в небо. Тяжелый гул невидимых из-за скал самолетов приближался стремительно. И душманы в долине обратили на него внимание. Забегали, засуетились. Стали прятаться. Кто под машины, кто за камни. – Как бы и нас не накрыли...

Высота скалы, где устроились старший лейтенант Семарглов с саперами – метров тридцать. Путь до дороги под откосом – семьдесят метров. Если бомбить будут основательно, могут и скалу своротить.

– Могут... – согласился старший лейтенант. – Отходим выше...

Отходили быстро, под прикрытием той же скалы, на боковую тропу. Поднявшись еще на два десятка метров, откуда открывался обзор, Семарглов поднял голову и увидел звено тяжелых бомбардировщиков, разворачивающихся для атаки.

– Пространство внизу узкое... – сказал сапер. – Если попадут точно, всех накроют...

– Кто им мешает попасть... Здесь как учебное бомбометание...

– Я с одним начальником авиационного полигона разговаривал, – усмехнулся Кротов. – Он говорил, что самое безопасное место на учениях на мишень усесться. Никогда не попадают...

– Три месяца назад такая же операция была, – сказал рыжий солдат-сапер, – тогда точно накрыли. Так дорогу бомбили, что скалы сверху падали...

– Дыхание берегите, – прервал разговоры старший лейтенант, чувствуя по тону, что быстрый подъем не всем дается легко.

Через десять минут они уже были на безопасном расстоянии от долины и имели хороший обзор. И видели сигнальные ракеты, указывающие развернувшимся самолетам направление бомбового удара. Здесь отрог хребта расходился книзу тройной вилкой. И хотя всю дорогу внизу было не видно, но на тех участках, что были видны, старший лейтенант не заметил ни одного открыто стоящего душмана. Самолеты напугали их основательно...

– Василий Иванович... – злобещим предупреждающим шепотом сказал за спиной прапорщик Кротов. Старший лейтенант обернулся и проследил в направлении взгляда прапорщика. – Смотри... «Духи»... Откуда они...

– «Духи»? – с надеждой на ошибку переспросил рыжий солдат-сапер.

По траверсу хребта в их сторону передвигался большой отряд. Семарглов поднял бинокль.

– Не меньше двухсот человек... В нашем направлении... Часа через три здесь будут...

– Хреновенько... – констатировал Кротов.

– Тропа здесь, кажется, одна... – Семарглов раскрыл планшет с картой. – По крайней мере, только одна и обозначена...

– И проходы узкие... – подсказал Кротов, заглядывая старшему лейтенанту через плечо.

– Можно где-то мины снять?

– Внизу после бомбардировки все детонируют, – прапорщик оказался категоричен. – Только одна остается. На боковой тропе...

– Надо ее на эту тропу переставить. Сделай быстро!

– Понял... Сделаем... За мной... – Кротов без разговоров кивнул рыжему солдату-саперу и заспешил к боковой тропе.

А Семарглов снова прильнул к биноклю, одновременно слушая воздух над головой. Вой идущих в атаку бомбардировщиков заставил его все же отвлечься от окуляров и посмотреть вниз на результат работы летчиков.

Посмотреть было на что, хотя увидеть ничего и не удалось... И не только потому, что обзор закрывали скалы...

* * *

При ясном небе, отсутствии средств ПВО и при координации бомбардировки с помощью сигнальных ракет тяжелая авиация свое умение в бомбометании может демонстрировать спокойно, как на учебном полигоне. Что она, естественно, и продемонстрировала. Каждый из трех самолетов сделал только по одному неторопливому заходу с небольшим интервалом времени один от другого. В каждый заход по дну ущелья ложилась крепко собранная цепочка одинаковых по силе разрывов, с которыми, конечно же, невозможно было сравнить взрывы мин, установленных спецназовцами. Но и мины свое дело делали одновременно, детонируя от разрывов авиационных бомб. Когда третий самолет, опорожнив свой боезапас, развернулся, майор Солоухин даже бинокль к глазам поднимать не стал. Почти всю пыль в долине почему-то разнесло в стороны и подняло почти до позиций спецназовцев уже после первой атаки, и две последующие не поднимали прежних тугих пыльных облаков. А когда и остатки пыли улеглись, стало видно, что узкое пространство среди скал теперь представляло собой неровно вспаханную ленточку, где уже не осталось ни одной машины, ни одного человека. И только сдвоенное колесо грузовика, заброшенное взрывной волной высоко на склон, дымясь, неуверенно скатывалось туда, откуда взлетело, словно пыталось отыскать свой родной автомобиль. И катилось оно, показалось, долго и медленно, провожаемое взглядами, наверное, всех, кому попало на глаза, пока не свалилось с последней скалы, подпрыгнуло и упало на бок.

Уцелеть там, внизу, было невозможно...

Тем не менее проверить результат, согласно всем инструкциям по проведению подобных операций, было необходимо. И время для этого тоже было. Вертолеты за спецназовцами доберутся до места не раньше, чем через три-четыре часа. Сейчас можно уже не идти в сторону старой вертолетной площадки, где происходила высадка. Сейчас некого пугать и предупреждать шумом вертолетных винтов и грозным подкрыльным вооружением. Можно прямо здесь, рядом выбрать место, если будет визуальный контакт и удастся при этом дать вертолетчикам сигнал. Пусть пыльно, но после картины, какую сейчас, как знал Солоухин, придется увидеть, сил на долгий быстрый маршрут и не будет. Вернее, силы-то будут, только даваться последние километры будут неимоверно трудно из-за психического состояния, с каждым шагом обычно усиливающегося. Как-то знакомый врач-психотерапевт подсказал, что быстрая и долгая ходьба на

маршруте должна рассматриваться, как идеомоторный акт. Во время такого акта, когда человек выполняет работу с большими нагрузками, не задумываясь, что-то происходит в мозге, что делает человека более открытым для всех мыслей. Все психические отклонения в этот момент имеют свойства многократно усиливаться. А рассматривание того, что стало с долиной и с автомобильным караваном в долине, – это ли не повод для возникновения психического отклонения...

Подвергать отряд такому испытанию не хотелось. Как не хотелось бы подвергать и первоначальному. Тем не менее это необходимо. Пыль внизу уже улеглась полностью.

– Спускаемся... – Солоухин устало махнул рукой, желая завершить неприятное занятие как можно быстрее.

Команда была произнесена негромко, но ее каким-то образом слышали или поняли все. Наверное, потому, что такой команды ждали. Даже те, кто находился далеко от командира, начали спуск одновременно с ближними. Единственно, чуть запоздала замыкающая группа во главе со старшим лейтенантом Семаргловым, но им майора видно не было, и потому Семарглов ориентировался по действиям остальных.

У Солоухина, по мере приближения к дну ущелья, лицо становилось все более серым. Настолько серым, что не видно стало прочно въевшегося в кожу загара. И не от пыли оно посерело, а от вида того, что натворила авиация. И хорошо, что летчики не видят результатов своего труда, иначе леталось бы им потом весьма хреново даже очень высоко над облаками. Здесь, на дороге, и самих людей, и тяжелые грузовые автомобили просто разнесло на куски и размазало по ближайшим камням и скалам. Обгорелые обрывки и обломки не на самой перепаханной дороге, а по сторонам, на камнях. Есть от чего лицом посереть...

Рядом оказался капитан Латиф. Афганец имел весьма подавленный вид, еле-еле ноги переставлял, будто бы они у него готовы были подогнуться. И обычно прямые плечи бессильно обвисли.

– Ищи, что осталось от твоего святого, – сказал Солоухин. – Мне показалось, что он был в средней машине. Командир «духов» подходил к нему с особым почтением...

– Ничего от него не осталось. Ни от кого ничего не осталось... – глаза капитана Латифа были полны ужаса, он впервые, похоже, видел в деле работу тяжелой авиации, хотя, наверное, как и все, был о ней наслышан.

Сам Солоухин хорошо запомнил место, где укрылся от бомбардировки бородатый командир душманов. Но там, рядом с аккуратной, будто бы человеческими руками сложенной, пирамидкой тяжелых камней, никаких следов человека не оказалось, как не оказалось самой пирамидки. Камни разлетелись далеко, смешавшись с землей, пылью и другими камнями. Найти не удалось не только останков бородатого командира, но даже останков его бороды.

Майор проводил взглядом спину капитана Латифа. Тот все же двинулся к месту, где, предположительно, находился имам Мураки. Там, рядом одна с другой, украшали дно ущелья три гигантские воронки. На самом краю одной из воронок, ближней, лежала и дымилась чья-то свернутая чалма. Конечно, это не чалма имама Мураки. Такой человек наверняка чалму носил из натурального шелка, а эта, судя по манере гореть, из какой-то синтетики. Найти доказательства того, что святой имам уничтожен, – практически невозможно. Впрочем, невозможно найти доказательств уничтожения, пожалуй, более половины отряда душманов. Но если «плюс» за уничтожение будет выставлен авиаторам, спецназ ГРУ может выступить свидетелем события. Самому спецназу ГРУ такие «плюсы» не ставили. Они уничтожали караван за караваном, а «плюсы» обычно шли в зачет десантуре, потому что официально в Советской армии не существовало такого рода войск, как спецназ ГРУ, хотя все знали о существовании спецназовцев. Больше других знали иностранные разведки. Меньше других советские граждане. Все, как и полагается в условиях развитого и победившего окончательно социализма...

– Вестовой бежит... – сообщил капитан Топорков. – От Вадимирова...

Солоухин обернулся резко, словно стряхнул с себя оцепеняющее наваждение, вызванное видом происшедшего, и шагнул навстречу подбегающему солдату.

– Товарищ майор...

Майор раздраженно махнул рукой, прерывая уставную форму:

– Докладывай... Что там у вас?

– «Духи» с гор спускаются. Около сотни... Подходят к кишлаку...

– Откуда взялись? – майор присел и раскрыл планшет на коленке.

Петров в ответ только плечами пожал.

– С какой стороны идут?

Солдат всмотрелся в карту. Показал пальцем:

– Отсюда...

– Понял! – сказал Солоухин. – Значит, издалека. Специально, чтобы со святым имамом встретиться... Тогда стоит, пожалуй, и другие отряды ждать...

– Товарищ старший лейтенант приказал снайперу начать обстрел, чтобы задержать их.

– Тоже правильно. Нам вовсе ни к чему с ними встречаться.

– Они нас не выпустят... – предрек капитан Латиф. – Они отомстят за Мураки...

– Это их личная беда... – непонятно отреагировал Солоухин.

– Семарглов бежит... – опять подсказал капитан Топорков.

Майор обернулся. Старший лейтенант спешил в их сторону, петляя среди воронок и перепрыгивая через навороченные кучи камней.

– Возвращайся к своим, – отдал майор распоряжение рядовому Петрову. – Передай старшему лейтенанту, чтобы снимался и двигал к нам. Все отходим. Ваша группа идет замыкающей, осуществляете прикрытие...

Петров убежал торопливо, не успев как следует перевести дыхание. А уже через минуту старший лейтенант Семарглов оказался рядом. В отличие от рядового, Василий Иванович дышал ровно – дыхание сберегать он умел.

– За сигаретой прибежал? – поинтересовался Солоухин.

– Да, штук бы двести... – с легкостью включился в игру Семарглов.

– Двести человек? – хмуро переспросил майор, легко прочитав «кодировку».

Старший лейтенант сразу склонился над картой, которую Солоухин с колена не убрал. И показал пальцем.

– Вот по этой тропе. У нас оставалась неиспользованной всего одна мина. Прапорщик Кротов переставляет ее на путь следования отряда.

– Далеко они?

– Часа через два будут здесь...

– Это нам пути отрезают... – снова предрек капитан Латиф. – Мы не сможем уйти. Нас уничтожат... И правильно... Святых трогать нельзя...

– Заткнись, дружище... – тихо, но красноречиво сказал капитан Топорков. – Паникеров в боевой обстановке положено расстреливать...

– Все равно расстреляют... – едва слышно прошептал Латиф.

Майор не снизошел до такого разговора. Он несколько секунд задумчиво всматривался в карту, водил по ней пальцем. Потом показал:

– Да... Больше «шмелю» и сесть негде... Значит... Выходим по этой тропе. На старую вертолетную площадку. Пока собираются группы, Леха, – обратился к капитану Топоркову, – обеспечь связь и доложи обстановку. Постарайся в темпе...

– Савельев! – громко позвал Топорков.

Радист, как всегда, оказался неподалеку.

– Разворачивай связь!..

* * *

Оказалось, что вертолеты уже в пути и должны успеть на посадочную площадку раньше спецназовцев. Впрочем, неожиданностью, свалившейся на голову, как надежда на спасение, это не стало, потому что Солоухин давно знал, что вертолеты уже вылетели. Задержка произошла только из-за того, что чуть опоздал прапорщик-сапер Кротов с рыжим солдатом. Но задержка эта была не настолько существенной, чтобы повлиять на ход событий и поставить под удар весь отряд. Кротов вскоре прибыл вместе с сообщением о том, что сам старший лейтенант Семарглов остался с двумя солдатами в арьергарде, чтобы по возможности контролировать передвижение душманов, и догонит основную группу на маршруте. Точно так же поступил и старший лейтенант Вадимиров, отослав разведчиков к командиру и оставив себе только двух бойцов, чтобы прикрывать отход остальных.

Решение офицеров было логичным и не вызвало со стороны майора возражений.

– Вперед! На маршруте не болтать, беречь дыхание! – скомандовал Солоухин и обернулся на непонятный звук.

Чуть в стороне, обняв руками камень, скорчился капитан Латиф, которого трясло и рвало. Но никто к афганцу не подошел, чтобы помочь. Спецназовцы уже выступили на тропу в ускоренном марше, и капитан, краем глаза увидев это, вытер рукавом лицо и торопливо поспешил за всеми. Латифа заметно покачивало, как изрядно выпившего. Сам майор то давал темп передним, то отставал, чтобы подогнать замыкающих и глянуть заодно, не показались ли оставшиеся в прикрытии группы. Тропа заползала вверх петлями, полого уходящими после крутого разворота то в одну, то в другую сторону – классический серпантин, который бережет ноги и дыхание тому, кто может позволить себе восточную неторопливость и вдумчивую размеренность, так свойственные жителям гор. Но направляющий передовой группы капитан Топорков срезал тропу по прямой линии, чтобы сократить время, и потому подъем на первых двух сотнях метров был чрезвычайно трудным, требующим напряжения всех сил, давая небывалую в обыденной жизни, даже во время тренировок, нагрузку на ноги, руки, спину и легкие. Начало маршрута архисложное. Однако потом, как знал Солоухин, как знали и остальные офицеры, путь долго будет идти в одной плоскости и даст возможность расслабить мышцы и привести дыхание в норму. Пусть и там темп передвижения будет выше, чем обычно принят в войсках. Но на такое передвижение спецназ ГРУ тренирован достаточно и всегда справлялся с подобными маршами, даже имея на руках раненых или груз. Не зря при наборе личного состава офицеры всегда предпочитают иметь дело с теми, кто умеет терпеть.

Уже на середине подъема майор Солоухин, в очередной раз оглянувшись, заметил, как к тропе снизу приблизился старший лейтенант Семарглов с двумя солдатами. Но, к удивлению командира, поднявшись только до одной из узких боковых троп, не поспешил догнать основной отряд, а остановился. Впрочем, удивление майора длилось недолго. Сначала он сам догадался, что заставило Василия Ивановича остановиться, а потом до слуха Солоухина донеслось несколько коротких очередей. Несколько – это, пожалуй, понятие для постороннего войне человека. Натасканное же ухо боевого офицера спецназа сразу определило, что стреляли одно-временно не менее чем из десятка стволов. А это значило, что старшего лейтенанта Вадимирова и двух его солдат преследуют «духи», Вадимиров вынужден вступить в бой, и старший лейтенант Семарглов готовится занять позицию, чтобы прикрыть огнем отход Вадимирова. Все правильно, хорошо себя ведет Семарглов, хотя и десантник, войны не нюхавший.

Сверху хорошо было видно, как Семарглов выбирает позицию, наиболее удобную для прикрывающего огня. Для этого старшему лейтенанту и двум саперам пришлось еще чуть-чуть выше подняться, где, окруженная валунами потресканная и выветренная до расслоения, скала слегка возвышалась над окрестностями и давала возможность обзора. С этой скалы, едва

поднявшись, спецназовцы сразу и открыли огонь. Сам старший лейтенант даже залечь не успел, начал стрелять с положения «с колена». Справа, там, где отступал Вадимиров, сразу стало тише. «Духи», скорее всего, контролировали отход основной группы, не ожидали такой скорой поддержки преследуемым и, должно быть, затормозились в движении, залегли. Самому майору Солоухину из-за неровностей склона не видно было, что происходит на позиции, но он давно уже научился по слуху определять то, что невозможно увидеть.

Семарглов патроны не берег... Знает, что вертолеты вылетели, помнит принцип – «меньше патронов в рожке, вертолету лететь легче»... Но, может быть, дело даже и не в этом...

* * *

Василий Иванович, надо отдать ему должное, совсем не задумывался над тем, чтобы облегчить полет вертолетчикам. Он просто увидел со скалы, что командира разведки подпирают уже настолько плотно, что только сильным заградительным, а не прицельным огнем можно дать возможность ему и двум солдатам с ним оторваться от наседающих с двух сторон душманов. Особую опасность представляла группа из четырех «духов», зашедших выше и мешающих ускорить передвижение. При этом Семарглову хорошо было видно, что «духи» откровенно ведут только заградительный огонь, желая, видимо, не уничтожить аррьергард, а захватить в плен. И потому он приказал сразу, без подготовки, начать прикрытие огнем. Группа Семарглова оказалась выше, чем верхняя группа душманов, и потому для последних атака оказалась неожиданной и губительной. Удалось уничтожить сразу трех противников, но четвертый, перевернувшись немыслимым образом рядом с очередью, разломившей камень там, где он только что лежал, успел перескочить за другой камень и оттуда отстреливался. Но при этом со своей новой позиции он уже не мог мешать передвижению отходящей группы старшего лейтенанта Вадимирова. Однако вторая группа преследователей тоже разделилась на две группы по три человека и вновь пожелала сделать обхват.

– Оставайтесь здесь, разведку прикрывайте, – распорядился старший лейтенант. – Как только Вадимиров отойдет, отходите тоже. Он прикроет в случае чего...

А сам, вместо того чтобы подниматься выше, спрыгнув со скалы, воспользовался горбатой неровностью склона и вышел за спиной не подошедшего еще Вадимирова на нижний уровень, где трое душманов, тоже скрытые от Вадимирова и от двух солдат-саперов, оставленных на скале, могли передвигаться бегом, чтобы запереть разведчиков на тропе.

Семарглов рассчитывал на свою способность прицельной скорострельности. Один против трех противников, хотя и не ожидающих его появления, но все же, несомненно, вояк опытных, судя по их поведению, это не просто риск, это – риск на грани смерти. Но иначе, понял Василий Иванович, Вадимирова было не выручить.

Выбрав подходящую грудку камней, расширяющимся языком сползших сверху, Василий Иванович затаился там, невидимый для подходящих с нижней стороны, хотя и самому ему душманы были тоже до времени не видны. Но их торопливые шаги, какими бы мягкими и вкрадчивыми они ни были, он все же слышал. Значит, поведение «духов» он просчитал правильно. Ориентироваться только по звуку, не имея в этом определенных навыков, сложно. Но в любом случае Василий Иванович предпочел лучше переждать, чем высунуться раньше. И только, когда уверился, что шаги «духов», обогнувших скалу, удаляются по расщелине, чтобы зайти в спину группе старшего лейтенанта Вадимирова, он осторожно выпрямился.

Он их увидел, а у них запасной пары глаз на спине не оказалось. Душманы как раз вышли на позицию огня и начали стрелять, не задумываясь и даже не прицеливаясь, с пояса, заставляя Вадимирова и его разведчиков залечь и тем самым предоставляя возможность еще троим своим товарищам перебежать ближе.

Но очереди длинными не получились. Душманы стояли меж камней, и спрятаться им было некуда, когда Семарглов вышел им в спину и тремя короткими отсеченными одна от другой очередями «положил» их. Рывок второй тройки, уже начатый в то время, когда Вадимиров вынужден был залечь, тоже оборвался, встреченный очередями сориентировавшихся разведчиков.

– Уходим! – крикнул Василий Иванович. – Осторожнее... Наверху один остался...

Но этот «один», не имея возможности увидеть за каменной грядой, что произошло внизу, сам высунулся, услышав снизу активную стрельбу и сообразив, что ему необходимо знать, что там происходит. Это и стоило душману жизни. Сразу оба сапера, оставленные старшим лейтенантом Семаргловым наверху, одновременно дали по нему очереди. Тело, обрастая вдобавок к пулям еще и камнями, скатилось почти под ноги Василию Ивановичу.

– В темпе... Наверху никого нет...

Старший лейтенант Вадимиров поблагодарил Семарглова только кивком и ни на секунду не задержался. Оба разведчика последовали за ним. Плечо одного было окровавлено, но по рваному рукаву Семарглов сразу определил, что это только касательная рана, почти царапина, прикрытая под одеждой стандартным медицинским перевязочным пакетом...

* * *

Арьергард поднимался под наблюдением майора Солоухина и не видел того, что видел майор. А майор определил, что душманы обоих подходящих отрядов или хорошо знают местность, или имеют отличных проводников из местного населения. Первый отряд, выславший небольшую группу в преследование старшего лейтенанта Вадимирова, сам тем временем срезал путь по не нанесенным на карту тропам и дважды попадал в поле зрения майора, когда пересекал продольные хребту расселины. И второй отряд первому уступать не пожелал. Хотя старший лейтенант Семарглов и дал ему два часа на выход из ущелья и даже выставил со своими саперами мину на их предполагаемом пути, тоже уже вышел в ущелье, и совсем не с той тропы. И теперь, заметив спецназовцев, услышав перестрелку, сам намеревается срезать путь и нагнать противника.

Положение становилось уже угрожающим. Привести за собой на вертолетную площадку «хвост» из трехсот человек майор не мог. Под обстрелом совершать посадку в вертолеты не слишком удобно. Это грозит не только большими потерями в живой силе, это грозит еще и возможностью потери вертолетов. Выход только один – отрываться в темповом марше, надеясь на хорошую физическую подготовку личного состава. Душманы, как правило, такой подготовкой не обладают. Хотя они обладают другим замечательным для воина качеством – упорством и умением победить характером свои физические недостатки. Правда, обычно этого бывает мало, но раз на раз не приходится, и в определенной обстановке случиться может всякое.

Арьергард догнал командира и последних из вынужденно растянувшейся цепочки тяжело поднимающихся спецназовцев.

– Молодцы, хорошо сработали...

– Вы видели, товарищ майор? – старший лейтенант Семарглов хотел проявить восторг, довольный собственными действиями.

Но майор в речи был более сдержан:

– Почти все видел... Василий Иванович, тебя в рапорте отдельно отмечу, попрошу к награде представить. Грамотно действовал... А теперь ноги в руки... Темп повышаем до предела и выше...

И, не дожидаясь вопросов, которые заставили бы его еще раз похвалить Семарглова, как тому хотелось, заспешил вперед, чтобы нагнать капитана Топоркова.

На маршруте, выбранном капитаном, из-за сложности рельефа местности совершенно не видно было преследователей. Но Солоухину, однажды увидев, уже и не надо было наблюдать их неотрывно. Он предположил самый критический для себя вариант, при котором душманы знают тропы, которые идут по прямой линии, чего в природе, тем более в необузданной горной природе, не бывает. Но и в этом варианте спецназовцы успевают к вертолетной площадке чуть раньше, чем душманы. Разве что отряд, замеченный старшим лейтенантом Семаргловым, мог прийти к конечной точке одновременно с ними. В этом случае майор предпочитал полагаться на природу, на ее неверный нрав. Даже карта показывала, что рельеф для прохождения чрезвычайно сложный. И не верилось, что кто-то сумеет преодолеть его быстрее, чем позволяет способность людей отлично тренированных и идущих уже знакомым путем, не обещающим дополнительных трудностей.

– Может, рискнем и тоже тропу срежем? – предложил капитан Топорков, уже введенный майором в курс дела. – Минут двадцать сможем сэкономить...

– А можем сорок минут потерять... – высказал свое несогласие Солоухин.

Спорить капитан не стал. Он сам не был уверен в правильности своего предложения и вдобавок предпочел беречь дыхание, потому что взятый им самим темп требовал чистоты легких.

Не слышно было и разговоров в строю. При такой крутизне подъема позволить себе разговаривать можно только в случае крайней необходимости...

6

Миновали перевал и вышли на другую сторону хребта. Темп не снижали.

Половина пути было пройдено, когда вдруг на всех напало непонятное беспокойство. Что беспокойство напало не на него одного, а на всех, майор Солоухин понял, когда оглянулся от странного ощущения словно бы устремленного в спину острого ненавидящего взгляда. Оглянулся и увидел, что все оглядываются точно так же, слегка растерянно, с беспокойством, если не со страхом.

– Это... О Аллах!.. Это – «Око Мураки»... – дрожащим шепотом сказал идущий рядом капитан Латиф и обеими ладонями провел по подбородку, будто бы огладил несуществующую бороду.

Афганец испытал, похоже, то же самое ощущение и начал разговор без предисловий, как о всем понятном явлении.

– Что? – переспросил Солоухин.

– «Око Мураки», – капитан показал на небо.

Прямо за спиной спецназовцев в небе висело серое, слегка буроватое, каким оно бывает обычно только на закате, облако. И очертания облака очень напоминали человеческий глаз. Обычно ветер легко разносит облака, разрывая их в клочья, по частям разделяя и развеивая. Это происходило с другими облаками, застывшими в небе, где ветер гулял с удовольствием, в отличие от ущелья. Но это серо-буроватое облако держалось прочно и устойчиво.

– Пусть смотрит... – искусственно усмехнулся майор Солоухин. – Так вот и познакомимся... А то мы ведь этого святого в глаза не видели...

Но он сам чувствовал, сколько фальши в его голосе.

– Мураки нас всех запоминает... – шепот капитана снизился до едва слышного, словно он сам с собой разговаривает. – Всех запомнит... Всех ждет кара...

– Это не Мураки... – попытался шуткой снять собственное напряжение капитан Топорков. – Это мурашки... По телу бегают...

– Не останавливаться! – скомандовал Солоухин, заметив, как резко снизился темп передвижения. – Вперед!

– Всех ждет кара... – обреченно повторил афганец.

– Не каркай, ворон! – опять осадил афганского капитана советский капитан Топорков, осадил уже более грубо, чем в первый раз, и сразу же ускорил шаг, задавая первым рядам высокий прежний темп.

Остальные потянулись за капитаном. Теперь, когда дорога лежала полого по некрутому склону невысокого хребта, идти было легче. Но на усталость и без того никто не жаловался. На войне не принято жаловаться на усталость, а когда за плечами спешит преследование, тем более...

– Не растягиваться! – громко командовал Солоухин. – Сокращаем дистанцию. Сокращаем...

Он, похоже, сам себя отвлекал такими командами от неприятных ощущений. Отряд и без того уже собрался плотной колонной, и отстающих не было.

Движение продолжалось. Скоро ощущение неприятного взгляда за спиной начало ослабевать, пока совсем не исчезло. Солоухин дважды за короткое время оборачивался – серо-багровое облако-глаз медленно растворялось в воздухе, разносимое ветром, который спустился и ниже, обдувая лица спецназовцев горячим, не свежим и не ласкающим дыханием.

А еще через десяток минут новая напасть заставила задрожать капитана Латифа...

Непонятно откуда появился и начал медленно нарастать странный гул, словно бы гигантский рой пчел приближался к отряду майора Солоухина со всех сторон. Гул то чуть ослабевал,

то, наверстывая упущенное, нарастал с большей силой, то с одной стороны заставлял ждать неприятностей, то с другой, и никто не мог сказать, что происходит.

– Что это? – спросил удивленный майор афганца.

– Земля расколется, и адское пламя поглотит нечестивых грешников... Всех нас поглотит... Всех нас накажет... Имам Мураки накажет всех... – трясущиеся губы капитана с трудом произносили русские слова, но сразу после этого он начал шептать что-то и на своем наречии – протяжно и со страданием, чуть не с плачем. И на молитвы это было не похоже, и на раздумья тоже. Страх и раскаяние, должно быть, ударили по психике молодого афганца основательно. Даже Солоухин поморщился, глядя на него.

– Землетрясение... – сказал капитан Топорков. – Вот-вот начнется...

– Точно... – осенило и майора.

И правда, едва он произнес эти слова, как дрогнула под ногами каменистая почва, завибрировала, затряслась. Небольшой, сантиметров в десять-пятнадцать, слой густой бурой пыли встал над поверхностью земли и вибрировал в унисон подземному гулу. Теперь уже стало ясно, что гул идет именно из-под земли. Несколько раз тряхнуло сильнее, и пыль поднималась вдвое выше, но гул постепенно начал стихать. Остановившиеся было спецназовцы снова двинулись вперед.

– Бегом! – дал команду майор Солоухин, и капитан Топорков первым выполнил ее.

Подгонять никого не надо было. Каждый сам интуитивно стремился уйти подальше от места, где застало их землетрясение, хотя умом каждый, наверное, понимал при этом, что неизвестно еще, где опаснее – на месте или там, впереди. Тем не менее бездействие казалось аналогией самоубийства. Понимал все это и майор Солоухин. Может быть, лучше других понимал и именно потому дал команду к ускоренному передвижению. Во время бега не будет так давить ощущение безысходности, ощущение страха. Когда бежишь, кажется, что бежишь к спасению. Главное, чего хотел достичь майор, – избежать паники, когда противник близко, и неизвестно даже, насколько близко. Может быть, отряд душманов идет тем же курсом по другую сторону хребта. А это значит, что они сосредоточиваются всего в каких-то двухстах метрах от спецназовцев.

Очередной толчок был самым сильным. Видно было, как покатались по склону камни, и хорошо, что отряд не спустился на нижнюю тропу. Иначе не избежать бы не боевых потерь, которые всегда считаются самыми обидными. Но теперь подземный гул стих совсем, прекратилась мелкая тряска, и приземленное облако пыли стало быстро оседать. Только новое облако, поднятое ногами солдат, оставалось за спиной.

До плато, куда должны прилететь вертолеты, осталось совсем недалеко. И уже послышался радостный, как весть о спасении, гул вертолетных двигателей. «Шмели» летели над долиной, стараясь не подниматься раньше времени над хребтом...

* * *

Спецназовцы не успели еще выйти на плато, когда увидели вертолеты. Два «шмеля» летели им навстречу и чуть-чуть в сторону, а вовсе не к посадочной площадке.

– Куда они? – не понял Солоухин. – Или это не наши?

– Разворачиваются... Наши... Похоже, в атаку идут...

Слегка зависнув на мгновение в воздухе, вертолеты начали разворот. Солоухин поднял бинокль, хотя даже невооруженным глазом хорошо было видно, как опустились округлые носы «шмелей» и сами машины, замерев на мгновение, начали пикирование в сторону склона хребта.

– Там, похоже, еще один отряд... – предположил капитан Топорков. – Третий... Первые два туда попасть не могли...

– Продолжаем движение! – Солоухин не позволил своим бойцам остановиться, чтобы полюбоваться картиной. А полюбоваться было чем.

С дымом и огнем, оставляя в воздухе клубящийся инверсионный след, устремлялись в сторону склона «НУРСы», и над хребтом, совсем рядом с перевалом, поднимались грязно-сизые грибы огня и дыма.

– Там засада была... Нас ждали... – Топоркову все не давал покоя вопрос, кого же атакуют вертолеты. – Значит, дождались...

– Только не нас... – подсказал оказавшийся рядом старший лейтенант Вадимиров. – Но я не против того, чтобы любая засада вместо нас дожидалась такой атаки...

Быстро отстреляв боезапас, вертолеты развернулись и двинулись прямо над самым хребтом в сторону спецназовцев. Солоухин понял, что забирать их хотят без посадки, прямо с хребта. Должно быть, дальнейший путь был небезопасен. Двумя вертолетами уничтожить целый отряд душманов было невозможно.

– Поднимаемся выше! – прозвучала команда.

* * *

Одно дело производить оперативную высадку из зависших над землей вертолетов. Это привычно и быстро, и позволяет вступить в бой раньше, чем ноги коснутся земли. Совсем другое производить в тех же условиях посадку. Времени уходит втрое больше, хотя вертолеты и опустились на максимально допустимую высоту, и лопасти почти по камням бьют, сдувая с них пыль.

Майор Солоухин бегал от вертолета к вертолету, руководя посадкой, подгоняя даже тех, кого и подгонять не требовалось. И вдруг хватился, что давно уже не видит капитана Латифа. Не здесь, на посадке не видит, а не видит с тех самых пор, когда афганский капитан предсказал всем гибель в недрах разверзнутой земли.

– Кто афганца видел? – спросило майор громко.

Никто не ответил утвердительно.

Посадка уже заканчивалась. Солоухин сунул голову в один вертолет:

– Капитана Латифа здесь нет?

– Никак нет, товарищ майор, – отозвался из глубины салона старший лейтенант Семарглов.

– Василий Иванович, пойдем во второй «шмель». Надо кое-что обсудить...

– Прапорщик Кротов за меня... – распорядился Семарглов и выпрыгнул наружу, где сразу интуитивно пригнулся, хотя винты задеть его никак не могли. Реакция десантника, более привыкшего пользоваться самолетами.

Вместе с майором они заспешили ко второму вертолету. Там посадка уже заканчивалась.

– Капитан Латиф здесь? – крикнул Солоухин, стараясь, чтобы его услышали, несмотря на шум винтов.

– Он, кажется, в том вертолете... – сказал капитан Топорков, сидящий рядом с люком.

– Нет его там... И не было...

Топорков выпрыгнул из люка и осмотрелся.

– Где ж он быть может? Сам себе бездну накаркал?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.